

Е.Г. Мирошниченко

ГОРОД И МИФ

**ИНТЕРВЬЮ, РЕЦЕНЗИИ,
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ**

Николаев
Издательство “Илион”
2007

ББК 84.2Ук
М 64
УДК 82.09(477)

Нову збірку текстів Є.Г. Мірошніченко, які підготовлені для публікацій і вже вийшли в світ, можна віднести до регіоналістики – досить відчутного явища всієї сучасної культури. Автор відтворює зв'язки першовчителів слов'ян Кирила й Мефодія з Північним Причорномор'ям, історію друкарства в Миколаєві, міркує про інтеркультуру: діалог мов, літератур, прагне співвіднести пафос міської, провінційної історії з геополітичним простором усього людського суспільства.

Видання адресоване студентам гуманітарних факультетів, усім, хто цікавиться історією культури рідного краю.

Рекомендовано к печати научно-методическим советом Николаевского межрегионального института Открытого международного университета развития человека «Украина».

Рецензенты:

В.Л. Гавеля, доктор философских наук, профессор;

С.Н. Шошура, кандидат филологических наук, доцент.

Мирошніченко Е.Г.

М 64

Город и миф. Интервью, рецензии, культурологические тексты: Сб. научно-публицистических статей. – Николаев: Изд-во “Илион”, 2007. – 92 с.

ISBN 978-966-8146-97-8

ББК 84.2Ук

Новый сборник уже увидевших свет и подготовленных для публикации текстов Е.Г. Мирошніченко можно отнести к регионалистике – весьма осязатому явлению всей современной культуры. Автор воспроизводит связи первоучителей славян Кирилла и Мефодия с Северным Причерноморьем, историю книгопечатания в Николаеве, размышляет об интеркультуре: диалоге языков, литератур, стремится соотнести пафос городской, провинциальной истории с геополитическим пространством всего человеческого общества.

Издание адресовано студентам гуманитарных факультетов, всем, кто интересуется историей культуры родного края.

ISBN 978-966-8146-97-8

© Е.Г. Мірошніченко, 2007

ОБЛОМКИ. ЧЕРНОВЫЕ ЗАПИСКИ МОРСКОГО СОДЕРЖАНИЯ.

(1917—1927).

СБОРНИК МЫСЛЕЙ, МНЕНИЙ И СОМНЕНИЙ
БЫВШАГО ФЛОТСКОГО ОФИЦЕРА.

На отвлеченной картине
Голубой воды, тама и лавина,
Тама при волнах, тама волнах
облегла...

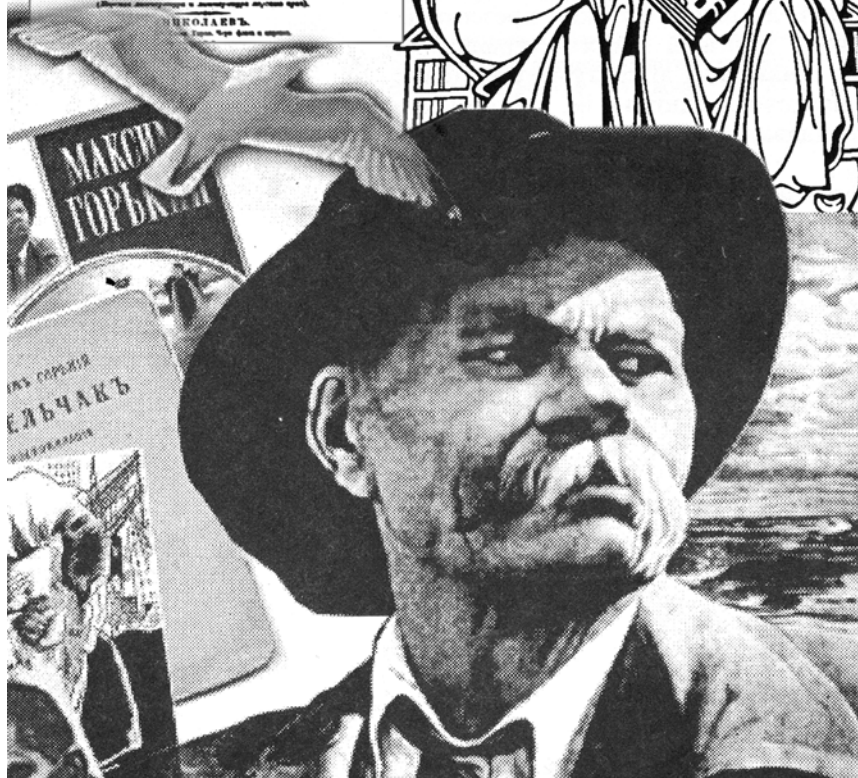
А. Пушкин (Малый Восток).

В издании
АНТОЛОГИИ ТРУДОВ
А. ГОЛОСКОЛОВА.

(Сборник документов и документов о жизни и творчестве).

ИЗДАТЕЛЬ.

М. Голосколов. Черный и белый.

“ЯВИЛАСЬ К НЕМУ ВО СНЕ ДЕВА... ПО ИМЕНИ СОФИЯ”

Наследие первоучителей Кирилла и Мефодия и Северное Причерноморье

Историческая судьба наследия “учителей словенских” интересна и поучительна. Сегодня трудно усмотреть в изобретенной Кириллом и Мефодием славянской грамоте, употребляемой в печатной продукции и письменной речи, точные очертания “лингвистического проекта” солунских братьев. Наши буквы появились в XVIII в., они следствие осуществленной Петром I реформы, введенного им “гражданского алфавита”. Историки полагают, что даже современный “церковный” алфавит, хотя и называется традиционно “кириллицей”, к Кириллу и Мефодию отношения не имеет. “Это – греческая азбука, приспособленная к славянскому языку уже после Кирилла и Мефодия” (А.А. Беляков). Славянская азбука, употреблявшаяся первоучителями и их учениками, ее принято называть “глаголицей”, потерялась в пространстве более десяти столетий. Не дошли до нас и переведенные Кириллом и Мефодием с греческого на славянский книги Евангелие, Апостол, Псалтырь. Лишь в некоторых богослужебных текстах исследователи усматривают фрагменты переводов первоучителей. Они вошли в состав более поздних книг, переписанных в Болгарии.

Современные слависты не дают бесспорного и окончательного ответа относительно первоначальных текстов и их определенной принадлежности кому-либо из братьев. Единодушны ученые в одном: Кирилл и Мефодий создали изначально книжный церковнославянский язык и этим самым заложили основы славянской литературной традиции. В этом и заключается главное содержание их наследия.

Уместно напомнить сегодня и некоторые страницы благородной деятельности великих просветителей, которые еще за сто лет до крещения Руси, осуществляя порученную миссию, посетили северные берега Черного моря. Известно, что в 858 году послы хазарского военачальника, народа, кочевавшего вместе со славянскими племенами по низовьям Волги, Дона, Днепра и Крыма, обратились в центр пра-

вославия Константинополь к императору Михаилу с просьбой при-
слать ученого мужа для наставления в христианской вере. импера-
тор предложил отправиться в Крым Кириллу и Мефодию. Как свиде-
тельствуют житийные источники, братья-проповедники стали об-
щаться на понятном местным племенам южнославянском варианте
славянского языка, побывали в Херсонесе (Корсуни), Судаке, где
убедили жителей из тех, кто следовал языческим обрядам, срубить
огромный дуб – капище местных язычников. Кирилл и Мефодий
столь преуспели в своей пропагандистской работе, что сам предводи-
тель Хазарии принял христианство и позволил всем своим прибли-
женным принять святую веру. В благодарность он освободил 200
пленных греков и отпустил их с Кириллом и Мефодием в Константи-
нополь.

Вернувшись из Северного Причерноморья (863), братья начали
обучать славянской грамоте и “церковному чину” моравских свя-
щеннослужителей, но встретили жесткое сопротивление католиче-
ского духовенства. Для того, чтобы получить официальное подтвер-
ждение своих полномочий от Папы римского и рукополагать в свя-
щеннический сан своих учеников, братья отправились в Ватикан,
захватив с собой найденные в Херсонесе мощи римского первосвяти-
теля Климента. Они покоились под скалой на черноморском берегу и
долгое время были недоступны из-за прекратившихся отливов. В
Риме Кирилл преподнес Папе Адриану II мощи святого Климента,
это помогло склонить понтифика на свою сторону. Братья получили
официальное одобрение вести богослужение на славянском языке.
Над славянскими книгами была совершена торжественная литургия,
догмат триязычия, латинизация богослужения, с которыми боролись
братья, были формально повержены. Славянское письмо отныне
признавалось священным. Таким образом, заветная цель братьев бы-
ла достигнута.

Дела и свершения великих славянских просветителей были хоро-
шо известны нашим прадедам. В 1885 году, когда всенародно отме-
чалось тысячелетие празднования памяти святых первоучителей Ки-
рилла и Мефодия, гласный Николаевской городской думы, учитель
Александровской гимназии Петр Еланский писал:

“Для нас – южан, особенно николаевцев, имеющих служебную и родственную связь со славным и многострадальным Севастополем, празднование тысячелетней памяти Св. Кирилла и Мефодия имеет ту историческую особенность, что наши деды и отцы совершили беспримерный подвиг, отстаивая бастионы Севастополя – место святой купели Владимировой, где Св. Кирилл и Мефодий за сто лет слишком до крещения Руси, ...получили священный залог для будущей успешной проповеди слова Божия между отдаленными славянскими племенами...”.

Выражая знаки общественной признательности памяти великих просветителей, николаевский учитель отметил в кирилло-мефодиевском наследии еще несколько важных черт: представление о церковнославянском языке как открытом самим Богом и его соборный характер, знаменующий духовное единство всех славян. В слове и письме славянском “слышатся разнообразие славянских наречий, особенности говора, областная пестрота речи, – отмечал П. Еланский. – Лишь только раздастся Богослужебный язык Святых славянских первоучителей, – Божественный глагол коснется слуха многомиллионной славянской семьи, – тогда все славянские племена пробуждаются, живо ощущают свое родство, свой коренной язык, свое единоверие и едиными устами и единым сердцем

На нем все прославляют Бога.

Им братья мы земли родной.

И у последнего порога

На нем прощаемся с землей!”

Сегодня на славянских языках говорят примерно 240 миллионов человек. Всего славян в мире примерно 280-290 миллионов. Мы – славяне. Происхождение этого этнонима толкуется по-разному, однако большинство ученых склоняется к одному пониманию. Славяне, значит – ясно говорящие, понятные друг другу, “словущие” – в отличие от других народов, говорящих на других языках, не понятных славянам. Известный языковед О.Н. Трубачев, давший этнониму такое толкование, много писал об уникальности имени славяне, содержащем культурно-исторический феномен. Дело в том, что нали-

чие такого единого самоназвания свидетельствует и о существовании единого этнического самосознания, сознания принадлежности к единому славянству. Оказывается, ничего подобного мы не найдем у древних германцев или балтов.

Над близкородственными народами в течение веков, особенно в IV–VII столетий, времени “великого переселения народов”, пронесли исторические вихри, но они не смогли разрушить этническую, религиозную и культурную общность славянских племен. Этноним “словене” был для миллионов фактором идентификации, он питал сознание славянского этнического союза. Предания и легенды, исторические факты об общем прошлом славянства можно найти и в литературных памятниках Киевской Руси. Кстати, специалист по этнической истории Л.Н. Гумилев, утверждает, что славяно-русская этническая общность сложилась именно в Киеве, где в IX–X вв. господствовали русо-славянофильские дружины.

Можно заметить, что научная история “славянской взаимности”, “славянской идеи” еще не написана, в ней много сложного, даже драматичного, однако единство славянской материальной и духовной культуры – явление исторически объективное. Наиболее убедительные аргументы характерной славянской общности могут предоставить языковеды. Их доводы говорят о том, что существующее единство опирается на языковой союз, который и сейчас, и в прошлом не вмещается в государственные и административные границы. Несмотря на языковые трудности в общении, понимание сходства, родства славянских языков сохраняется.

Сегодня есть основания еще раз вспомнить О.Н. Трубачева (1930–2002), выпускника Днепропетровского госуниверситета, великого языковеда XX века, всемирно признанного этимолога, я бы сказал, Даля наших дней, подготовившего и опубликовавшего в числе других фундаментальных трудов около 30 выпусков “Этимологического словаря славянских языков”. Ученый много писал о русском языковом союзе как великом культурном феномене. Он рассматривал языковой союз славян в качестве гарантии единства народов и их культуры в будущем, страстно убеждал, что русский языковой союз не направлен против других языков. Ни один из языковых

союзов не привел к ассимиляции, при языковом союзе может возникнуть двуязычие, многоязычие, как в наших Карпатах или на Балканах, Кавказе, но не утрата родного языка, культуры или национального самосознания. В негативных явлениях, фактах ослабления позиций национальных языков, по мнению Трубачева, повинны не чьи-то козни, а несовершенство национальной политики, сплошь и рядом низкий культурный уровень местного населения, в том числе руководящего слоя, неразвитость национального сознания. Языковой союз в отличие от союзов политических никто не создает, он устанавливается сам и еще живет в наших домах, как залог, может быть, нового совершенного союза.

В научных идеях нашего современника явно проглядывает влияние наследия великих просветителей. Сквозь мглы веков они могли бы признать в О.Н. Трубачеве достойного единомышленника и сподвижника, ибо еще в IX столетии руководствовались идеей соборного соединения в единой вере и едином литературном языке разных славянских племен и наречий. Они создали славянскую азбуку, литературный язык и возвестили о неподвластном времени и повелевавшем временем бытии Слова. Оно во многом определяет особенности славянского самосознания и мироощущения. Мы народ софийный, приверженный к мудрости, премудрости в высоком смысле, вероятно, и в божественном. Это вполне согласуется с идеями наших первоучителей. В Житии Константина (Кирилла) сказано: “Явилась ему во сне дева, прекраснее всех, по имени София – Премудрость Божья, и он ее возлюбил”.

В ЛАНДШАФТЕ ГОРОДСКОГО МИФА

– *Постоянно обращаясь к региональной теме, писатель невольно формирует свое индивидуальное представление об объекте исследования. Образ причерноморского края присутствует и в ваших книгах “Я зачем-то съездил в Николаев...”, “Время и бремя культуры”, “Чайка над лиманом”. Заслуживает ли наш город, край, его история собственного мифа, такого, как скажем, легендарная Одесса?*

– Примет николаевского мифа множество и создавали наш городской культурный миф писатели всех поколений, так же как это делали у своего теплого моря одесситы А. Ахматова, И. Бабель, В. Катаев, Э. Багрицкий. Речь идет о метафизическом “тексте”, легендарной репутации Николаева, он центр мифологического пространства, которое не исчезает, а обрастает новыми персонажами и сюжетами. К примеру, кто не слышал выражение “Николаев – город невест”. Вероятно, демографы не подтвердят статистику, в нашем городе столько же незамужних девушек, как и в любом другом областном центре Украины. Но легенда упорно живет и ей есть историческое объяснение. Валерий Ганичев даже написал главу “День невест” в повести “Росс непобедимый” (1985), рассказал о том, как М. Фалеев, помощник основателя города князя Г.А. Потемкина, привез в строящийся Николаев 350 девушек, чтобы обеспечить мастеровых и адмиралтейских работников законными женами.

Многонациональное культурное наследие в контексте традиционной культуры юга Украины и составляет динамичный признак николаевского мифа. Послание народу и миру, поэтический и романтический рассказ о нашем степном и морском крае создавали Д. Айзман, Вс. Гаршин, М. Горький, Н. Лесков, И. Тургенев, И. Бунин, Н. Аркас, П. Тычина, М. Винграновский. В их художественном творчестве нашли отражение местные русские, казацко-украинские, турецко-татарские топонимы рек, лиманов, населенных пунктов. Местность хранит следы события, ее оформившего. Здесь время как бы вливается в пространство и течет по нему, образуя по М. Бахтину – “дороги жизни”, “жизненный путь”.

А. Пушкин записал в наших краях исторический анекдот о Потемкине и гордых “хохлах”, В. Даль оставил описание нравов флотского города в устье Ингула. Как легенду мы воспринимаем его арест 1823 года за сочинение пасквиля на вице-адмирала А.С. Грейга, завершившийся повышением по службе. Эта история в воспоминаниях современников обросла и новыми мифическими героями, и новыми микросюжетами. Тот же Казак Луганский (псевдоним Даля) оставил характеристику речи николаевцев начала XIX века. “Язык там вообще пестрый”, – писал он и приводил сведения об общей склонности населения говорить по-московски, отмечая при этом “неизменную печать языка малорусского даже среди высшего сословия”. Смешение двух родственных наречий по-прежнему выделяет николаевцев и не нужно скептически относиться к так называемому суржику. Это язык народа, межнациональной общности.

Текстовую “ткань” нашего провинциального мифа составляют и мемуарные свидетельства лучшего друга Ф. Достоевского поэта-петрашевца Александра Баласогло, сосланного Бенкендорфом сморщить гордыню в захолустный Николаев. И жизнь его, и смерть стали легендой, понадобилось сто лет, чтобы отыскать следы пребывания Баласогло в Николаеве. А разве можно пройти мимо окрашенных мистическими красками воспоминаний Бенедикта Лившица (“Полутораглазый стрелец”), который уже в начале XX века вместе с Владимиром Маяковским гостил в херсонском имении. Это была первая встреча Маяковского с Украиной, нашедшая отражение в его раннем стихотворении “Отплытие”. Как видим, отплывал первый поэт русского художественного авангарда от южных берегов.

В эту пору флотский Николаев получает основательную прививку украинской речи. Начиная с 1883 года, город на Буге регулярно посещают украинские драматические труппы. Особенно в зимние сезоны здесь постоянно гастролировали театральные коллективы под управлением М. Старицкого, М. Кропивницкого, И. Карпенко-Карого, это было серьезное знакомство русскоязычного населения с национальным театральным искусством. Со сценических площадок города звучала русская, украинская, еврейская речь.

Метафизические следы обитания “своего” и “чужого” в ландшафте николаевского мифа прослеживаются плохо. Здесь всегда торжествовала многоязычная традиция, на николаевских базарах торговали болгарской брынзой и молдавским вином, а в семьях звучали обрядовые песни переселенцев – галичан и черниговцев, орловцев и курян, немцев и болгар. И еще об одном важном текстовом ландшафте. Не следует забывать, что на этом малом вавилонском пространстве всегда бытовал русский языковый союз. Так выдающийся славист нашего времени О.Н. Трубочев называл естественный феномен сложившегося единения, воздействия русского языка в обширных границах бывшего СССР.

– Хочу обратить внимание на следующее, вы пишете на русском языке, не сужает ли это обстоятельство диапазон творчества, не уходят ли из вашего поля зрения национальные реалии?

– Примерно такой же вопрос когда-то я задавал николаевцу по рождению, известному поэту, Шевченковскому лауреату Леониду Вышеславскому. Сегодня на фасаде Дома литераторов по улице Б. Хмельницкого в Киеве, где жил автор “Звездных сонетов”, прикреплена мемориальная доска с именем земляка. Леонид Николаевич был филологом с ученой степенью и легко напомнил мне, что в свое время Ольга Кобылянская сочиняла на немецком, а Шевченко писал собственный дневник, повести на русском, это отнюдь не означало их изоляции от украинской почвы.

Мы касаемся сложного вопроса критериев национальной принадлежности писателя. Я, в свою очередь, могу напомнить высказывание Марины Цветаевой, которая недоумевала, когда ее называли русским поэтом. В письме 1926 года к Рильке она писала: “Для того и становишься поэтом (если им вообще можно стать, если им не являешься отродясь), чтобы не быть французом, русским и т.д. Орфей взрывает национальность...”. Поэзия Цветаевой, принадлежит, конечно, русской культуре, но и всему миру. Для нее было важно содержание написанного, а не паспортная прописка.

Для Вышеславского тоже не существовало проблемы языка. Он и его коллеги, писавшие по-русски, опубликовали прекрасные книги об Украине, блестящие переводы, донесли певучее слово И. Франко,

И. Котляревского, современников – А. Малышко, Л. Первомайского, М. Нагнибеды до мирового читателя. Поэт назвал этот вклад “золотым запасом современного культурного строительства”.

Один из любимых его авторов Семен Кирсанов отзывался об ушедших друзьях-литераторах так:

Мы не урны и мы не плиты,
Мы страницы страны, где мы
для взволнованных глаз открыты
за незапертыми дверьми.

Я надеюсь, что творчество представителей поколения литераторов конца XX и начала нового века, пишущих по-русски, тоже обернется открытыми страницами. У каждого творческого человека в меру способностей сегодня есть возможность участвовать в литературном процессе многонациональной Украины. К примеру, на последней гуманитарной конференции в Крыму И.В. Козлик, доцент Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника, подарил изысканно оформленное издание, которое было осуществлено по инициативе Русской общины Ивано-Франковской области при поддержке главы обладминистрации, – антологию русскоязычной литературы Прикарпатья “Ткань и Ландшафт” (2003). “Ткань” в представлении составителей антологии это пласт русскоязычного творчества, помещенный в “ландшафт” украинского языка, преобладающего в Прикарпатье.

Один из крупнейших русских филологов XX века Вячеслав Иванов, много размышлявший о судьбе славянской культуры, “сохранении запаса священных текстов в неизменном виде”, делил все культуры на холодные и горячие. Русскоязычная культура Прикарпатья составителям сборника представляется культурой холодной в том смысле, что в ней присутствует “синдром диаспоры”, сквозное чувство родной земли, дома. Это и есть та “ткань”, которая рождает оригинальное искусство. Именно она переводит энергию постмодернистов, участников антологии с эксперимента на благоговейную почву гуманистической культуры, заставляет следовать исторической традиции великой русской словесности, дополняя современную много-

национальную культуру Прикарпатья. Писатель всегда связан с традицией. Привязанность к родной земле рождает то, с чего мы начали разговор, – культурный миф, служащий ключом концепции регионального культурологического “текста”, где человек выступает одновременно объектом и избранником судьбы. Стать основателем мифа о “малой родине” – великая удача автора.

Не следует думать, что приведенный мною пример, единичен. Вот еще плод регионального творчества – литературно-художественный альманах под названием “Двуречье” (2004), он опубликован на русском языке и посвящен юбилеям городов-побратимов – 350-летию Харькова и 300-летию Санкт-Петербурга. В нем представлены и произведения современных писателей Киева, Москвы, Нью-Йорка. В названии антологического сборника его составители усматривают два глубинных смысла, два течения: многовековую русскую поэтическую традицию и современное течение реки времени. Она отражает харьковские и петербургские страницы жизни в биографиях В. Хлебникова, В. Нарбута, Г. Владимирова, художников И. Репина, Г. Бондаренко, братьев Прошкиных. Один из авторов издательского проекта “Двуречье”, член ПЕН-клуба, поэт и переводчик Станислав Минаков успешно представляет Украину на мировых литературных форумах. И все участники “Двуречья” участвуют в великом диалоге культур, преодолевая идеологические стереотипы и психологические барьеры.

Мне известны подобные русскоязычные сборники, альманахи, которые выходят в Виннице, Одессе, Луганске, Крыму. Кстати, в международных конкурсах, которые организует Союз писателей России совместно с киевским журналом “Радуга”, ежегодно участвуют несколько сотен авторов. Первая премия 2005 года в номинации прозы была вручена киевлянам Марине и Сергею Дяченко, это талантливые писатели-фантасты (Марина ведет популярную программу на украинском ТВ), всякий раз подтверждающие неразрывную связь с многонациональной культурой наших народов. В 2006 году диплом международной литературной премии был вручен нашему легендарному земляку, прозаику А.А. Сизоненко (в 1945-м при взятии Берли-

на был расстрелян на Фридрихштрассе). Недавно я с ним общался в Киеве.

– Итак, влияние русской словесности не противоречит становлению украинского общества?

– Не будем забывать, что предмет нашего разговора – культура. За ней стоят национальные гении Л. Толстой, Т. Шевченко, Л. Украинка, В. Короленко, А. Чехов. Культура не создает отчуждения между людьми, а наоборот, сближает их. Вынужден снова упомянуть нашего великого соотечественника, академика Трубачева. Ученый убедительно доказывал, что само имя славяне представляет собой замечательное культурно-историческое явление. С ранних времен это имя объединяло всех славян независимо от их принадлежности к тому или иному славянскому племени или народу.

Нам нечего бояться русского языка. Нужно понять, что не язык, не “зов крови” и не общность расы создают нации. Нация это сообщество народов, объединенных общей судьбой и не разъединенных соперничеством.

– Долгие годы вы проработали в пединституте, среди николаевских учителей-словесников, журналистов много тех, кто считает себя воспитанниками кафедр русского языка и русской литературы этого вуза. С чем связан ваш переход в другое учебное заведение, вы изменили профессии преподавателя-филолога?

– Дело в том, что в бывшем Николаевском пединституте, ныне госуниверситете, упразднены названные вами учебные структуры, хотя они существуют в Одессе, Херсоне, Полтаве, Ивано-Франковске, Запорожье, не говоря уже о Киевском, Харьковском университетах. Русистика – традиционное направление университетской подготовки специалиста высшей квалификации. У нас же она прекращена*, следовательно, у филолога-русиста нет работы. Этой мотивацией и вызваны мои перемещения. Сегодня будущий учитель в нашем госуниверситете не слушает академический курс лекций,

* В 2006/2007 учебном году ректорат вуза возобновил прием и набрал академическую группу студентов на специальности, где изучение русского языка и литературы является профилирующим предметом.

посвященных творчеству И. Тургенева, И. Бунина, М. Булгакова, И. Бродского. И это в городе, где более 40 процентов жителей называют русский язык родным. Пускай меня кто-нибудь убедит, что такое ограничение благо для украинских учителей литературы. Причину происходящего комментировать не хотелось бы, тут замешаны, как вы сами понимаете, общественные обстоятельства. Объективное объяснение сложившейся ситуации в вузе прочитал в открытом письме народного депутата Украины Н.П. Круглова, оно опубликовано в газете “Вечерний Николаев” (№ 2, 2006).

Наш провинциальный культурный миф развивается стремительно, приобретая новые черты современной действительности. Свою версию исторического прошлого края успешно развивают “огненные реконструкции” художника В. Бахтова, потусторонний, виртуальный Николаев представлен в коллективном сборнике писателей-фантастов “Николаевское небо” (2006). В XXI веке город Святого Николая возводит храмы и увеселительные заведения быстрее, чем человеческое жилье, готов отказаться от столетней образовательной традиции и наивно ищет биографическое родство с новыми заокеанскими друзьями.

И последнее. В прошлом году мне посчастливилось участвовать в грандиозном международном конгрессе, посвященном наследию Ф.М. Достоевского. Так получилось, что на заседании секции, которой руководил японский славист Накамура Тадаши, пришлось рядом сидеть с Евгением Евтушенко, поэтическим кумиром советской молодежи 60–70 годов. Заметно постаревший поэт подписал свою книгу избранных стихов: “Пусть Вам никогда не будет стыдно за самого себя”. Вот мудрый урок долгой жизни – не изменять себе.

Инна Максименко
(“Южная правда”, 6 апреля 2006)

МОЛЛИ ДЕ СТАФНИ: “СНАЧАЛА НУЖНО ПОНЯТЬ СЕБЯ”

Молли Де Стафни родилась в г. Вест Честер штата Пенсильвания (США). Мать – менеджер газеты, отец – механик, владелец автомастерской. Закончила Альфред университет – бакалавр истории Америки. Продолжила обучение в университете Боулинг Грин штата Огайо – магистр специальности культура США. В 2003-м году прошла стажировку по русскому языку в Санкт-Петербургском университете. Член Корпуса мира США.

– Молли, сразу два вопроса на близкие темы: какие университетские курсы читаете и каковы ваши первые впечатления о наших студентах?

– Читайте курс культуры США и спецкурсы для филологов-переводчиков, креативное письмо – это прикладные дисциплины, включающие выработку навыков составления резюме, эссе, сочинения и веду семинар “домашнее чтение”. Встречаюсь со студентами и на заседаниях английского клуба. У меня прекрасные впечатления от общения с вашими студентами. Первокурсники коммуникабельны, не отмалчиваются, охотно вступают в диалог, у них хорошая школьная подготовка, легко понимают меня. По-моему, я их тоже адекватно воспринимаю: у украинской и американской учащейся молодежи много общего. Мы одинаково реагируем на мировую классику, к примеру, на эти поэтические строки Эдгара По, его стихотворение “Эннабел Ли”:

Это было давно, очень, очень давно,
В королевстве у края земли,
Где любимая мною дева жила, –
Назову ее Эннабел Ли...

Стихи о романтической любви не оставляют равнодушной интеллектуальную молодежь ни в Николаеве, ни в Балтиморе. Мы со студентами нашли около десятка переводов “Эннабел”, теперь вот ищем украинский вариант знаменитого произведения Э.По.

– Вы специалист по культуре США, а как формулируете само понятие культуры?

– Существует, вероятно, тысяча определений этого творческого феномена цивилизации. Вы хотите, чтобы я сформулировала тысяча первый? Спросите что-нибудь полегче...

– **Тогда расскажите о вашем родном штате.**

– О Пенсильвании могу говорить бесконечно. Штат расположен на северо-востоке, примыкает к группе Среднеатлантических. На севере граничит со штатом Нью-Йорк, на северо-западе имеет выход к озеру Эри, ну а на западе граничит с Огайо. Первыми европейскими поселенцами на территории современной Пенсильвании были шведы и голландцы. Кстати, мои дедушка и бабушка приехали в Америку из Франции.

В 1681 английский король Карл II передал молодому английскому квакеру Уильяму Пенну земли вдоль реки Делавэр. Пенн основал колонию-убежище для протестантов “Общества друзей”. В честь Пена, адмирала королевского флота, колония и была названа Пенсильванией. В 1751 г. здесь был основан первый университет. В 1790 году Пенсильвания первой среди североамериканских штатов приняла закон об освобождении рабов.

Если вам придется бывать в этом штате, посетите обязательно его столицу, Филадельфию – пятый по величине город США. Американская демократия и закон начинаются в Филадельфии, ведь здесь были написаны Декларация Независимости и Конституция. Городской колокол с башни Ассамблеи колонии стал для всего мира символом свободы. Мы считаем, что его использовал А.Герцен в названии своего знаменитого издания “Колокол”.

– **Молли, в последние годы лицо Америки быстро меняется. Это универсальная нация, где живут сотни этнических групп, афроамериканцев, латиноамериканцев, выходцев из юго-восточной Азии, говорящих на разных языках. Существует тенденция: представители разных народов сегодня предпочитают жить в рамках своей культуры среди множества субкультур. Как удается американскому обществу сохранять национальную идентичность, приверженность ценностям европейской культуры?**

– Все дело, по-моему, в реальной свободе и величайшей терпимости американского общества к обычаям и нравам всех народов,

которые населяют США. Да, мы все понимаем друг друга, говорим на американском, это вариант английского, но общество, где высоко ценится этническое и расовое разнообразие, гарантирует возможность получения образования на 80 языках. Это и есть компромиссная модель решения сложной проблемы. Отсюда можно сделать вывод: язык в многонациональном государстве не играет определяющей роли, таким фактором выступает общая судьба нации.

Что касается ценностей культуры, то здесь нужно вновь говорить об уникальности истории, традиций Америки. У нас на практике реализуются идеи европейского Просвещения, это геополитический и генетический код национальной идентичности, общество отстаивает ценности, близкие всему человечеству.

Я хочу рассказать об интереснейшем социо-культурном эксперименте, который поставили эмиши, члены религиозной группы анабаптистов. И в двадцать первом веке они пытаются жить в соответствии с традициями прошлого. В 1710 году эмиши оставили Германию, горные кантоны Швейцарии и приехали в Америку. Жизнь в глуши, среди враждебных индейцев казалась им раем по сравнению с терзаемой войнами Европой. Местность, где живут эмиши, находится в графстве Ланкастер и называется “Эмиш-Кантри”. За триста лет жизни в Пенсильвании эмиши, меннониты и другие выходцы из Европы превратили страну в цветущий сад. Сколько видит глаз, тянутся ухоженные фермы, сады, пасутся стада. В самом центре компьютеризированной и урбанистической Америки находится уникальный уголок земли, где живет удивительный народ, сохранивший в первозданном виде образ жизни восемнадцатого века, архитектуру и даже одежду той эпохи. Этот народ знает ответ на вопрос, в чем смысл жизни, главное – нужно разобраться в самом себе и понять, какую жизнь мы хотим построить.

– Когда впервые услышали об Украине?

– Пожалуй, это было уже в студенческую пору. Я с друзьями попала на украинский фестиваль, который организовала местная церковная община. Дело происходило в Балтиморе, где живет множество украинских поселенцев-иммигрантов. На фестивале я впервые попробовала ваше пиво “Оболонь”. Смотрите фотографию, здесь я в очках. Там на фестивале и родилось желание побывать в

Украине. А вот еще фотоснимки. Это все мои родственники. У нас не существует понятий кум, кума, но родственные связи тоже ценятся. А это мой дом в зимнюю пору.

НАПИСАННОЕ ОСТАНЕТСЯ

Состоялось организационное собрание группы николаевских литераторов, на котором было принято решение о создании нового объединения писателей им. Владимира Даля. О планах, целях и задачах литературной группы я беседую с ее лидером, филологом и литературным критиком Е.Г. Мирошниченко.

– Евгений Гордеевич, объединение писателей им. В. Даля – это литераторы, вышедшие из областной организации Национального союза писателей? Какие художественные принципы исповедуют члены новой творческой группы?

– Хронологически уже более десятка лет мы живем самостоятельной жизнью и литературное творчество перестало быть монополией государственных структур, утратило оно и старое эстетическое единообразие. Сегодня на слуху читающих новые имена, хотя влияние поколения писателей шестидесятых-семидесятых годов до сих пор присутствует в духовной жизни современников. Между прочим, это наблюдение можно распространить и на литературный процесс Западной Европы, Америки.

В основе нового городского объединения писателей не идеологические, даже не эстетические мотивы, а, если хотите, принципы самоидентификации, исторической идентичности. Да, союз бывших советских республик развалился, но остался другой, который живет в наших домах и душах – союз русского языка и славянских культур. Этот языковой союз нельзя отменить декретами, нельзя отлучить культурного человека от художественного наследия И. Бунина, М. Булгакова, А. Чехова, Л. Толстого, Ф. Достоевского. Для многих южан это наследие остается ценностью на все времена еще потому, что русские писатели В. Даль, Вс. Гаршин, евреи Д. Айзман, И. Бабель, болгары Х. Ботев, А. Константинов биографически и творчески связаны с историей нашего многонационального края, эти писатели

тоже для нас родные. А между тем, явственно ощущается изоляция русской культуры и не только в сфере образования, но и творчества. Литераторам, пишущим по-русски, не присуждают областных премий и наград, их не принимают в Национальный союз писателей. Что же остается делать? Нужно искать новые организационные формы для самоутверждения. Кстати, хочу заметить, что в последние годы подтвердили свою формальную принадлежность к литературе А. Пушкина, А. Фета, И.Тургенева наши мастера художественного слова, николаевцы, состоявшие ранее в Союзе писателей СССР. Сегодня поэты Вячеслав Качурин, Екатерина Голубкова, Владимир Пучков, драматург Альберт Вербец – члены Национального союза писателей Украины и члены Союза писателей России.

– **Кто входит в объединение писателей им. В. Даля?**

– Профессиональные литераторы Михаил Ковалевский, Сергей Пискурев, Альберт Вербец, ваш покорный слуга – все члены Союза писателей России, целый ряд талантливых, увлеченных литературным творчеством земляков.

– **Каковы же идейные, творческие планы группы?**

– Всем николаевским писателям давно необходим некий рупор литературной и общественной мысли – свой журнал или периодическое издание. Они действуют в Луганске, Полтаве, Ивано-Франковске, Херсоне, Одессе; в Крыму выходят две литературные газеты, толстый литературно-художественный журнал, альманахи. Просто стыдно при таком количестве столь ярких имен и личностей не иметь литературный журнал. Последний справочник “Николаевский литератор – 2006” включает информацию о 49 поэтах, прозаиках, переводчиках, драматургах, литературных критиках, авторах научно-фантастических произведений, книг для детей. Но у нас нигде опубликовать стихи, рассказ, рецензию. Редакторы общественно-политических изданий сходу отвергают: “Это не для газеты”. Возможно патриоты-инвесторы поддержат идею создания регионального литературного издания.

– Вы заговорили о ярких именах, личностях. Кого имеете в виду?

– Панорама современного творчества цеха литераторов Прибужья в последние годы необозримо выросла, ее нельзя вместить в организационные формы прежних десятилетий. Сегодня поэтическими

летописцами причерноморского края выступают не только члены “старой”, уже тридцатилетней местной организации Союза писателей, но и члены “новой” Ассоциации украинских писателей, николаевцы – члены Союза писателей России, члены международного ПЕН – центра России, участники литературных объединений. А сколько талантливых авторов в поисках читателя (и критика) размещают свои стихи, прозу на сетевых страницах Интернет-изданий! К такому, к примеру, относится поэт Аркадий Суворов, публицист Валерий Бабич, автор замечательной книги “Наши авианосцы”. В биографии известного прозаика Владимира Васильева уже более двух десятков повестей и романов, вошедших в издательскую серию “Звездный лабиринт” (Москва); его бестселлер “Дневной дозор”, написанный в соавторстве с Сергеем Лукьяненко, известен всему миру. Начиная с 1999 года, он постоянный участник и лауреат международных фестивалей научной фантастики, но первую книгу смог выпустить только в России. Владимир любит свой край, летние месяцы проводит в родном городе, но издателей, к сожалению, находит за пределами Украины.

Сергею Стульнику, печатающемуся под псевдонимом Сергей Вольнов, последний свой роман удалось опубликовать в Санкт-Петербурге. А почему не в Киеве, Николаеве? Мало кому известно имя талантливого поэта Алексея Торхова. Его еще предстоит открыть любителям поэзии.

Издавна писатель в нашем отечестве почитался учителем жизни. Известный украинский прозаик, лауреат Шевченковской премии Александр Сизоненко в свою “книгу талантов” – “Не стреляйте собственных пророков” включил великого Кобзаря, литераторов О. Гончара, В. Сосюру, А. Малышко, М. Винграновского, Д. Креминя, Э. Январева. Но их-то, “собственных пророков”, у нас значительно больше: Владимир Даль, Всеволод Гаршин, Борис Мозолевский, Леонид Вышеславский. Продолжите этот список сами. Древние жили с твердой уверенностью, что литературное творчество это вернейший способ остаться, пережить себя. Они говорили так: “*litera scripta manet*” – написанное останется.

Ольга Уставицкова

(“Вечерний Николаев”, 3 июня 2006)

КАРТИНКИ С ВЫСТАВОК

После презентации “Николаевская книга – 2006”

Уже четвертая региональная выставка книжной продукции “Николаевская книга – 2006” (18-21 апреля), четыре дня общения с издателями, писателями, а главное – с книгами, полный гостей кинолекционный зал Центральной библиотеки им. М.Л. Кривиницкого во время презентаций и встреч с авторами – все располагает к основательным обобщениям. Я включаю в обзор и впечатления писателя-земляка, лауреата Шевченковской премии А.А. Сизоненко, который был участником международной Франкфуртской книжной ярмарки – 2005.

От Майна до Днепра

Стремящаяся в европейское культурное пространство Украина уже не первый год высаживает свой десант издателей, писателей, книготорговцев на Франкфуртской книжной ярмарке. Это целый город, свидетельствует А. Сизоненко, общей площадью свыше 160 тыс. кв. м со своей инфраструктурой, собственными улицами, оригинальными по архитектуре павильонами и транспортом. Город создали книги. Ради них и шли сюда посетители – их было более 280 тысяч. Книги в целом городе. Здесь разместились со своей продукцией 7200 участников из 101 страны, каждая из которых в соответствии с программой ярмарки презентовала национальную книжную продукцию, выступала организатором разнообразнейших мероприятий – встреч издателей и писателей, круглых столов, чтений, интервью, вплоть до фуршетов и вечеринок.

Наш земляк был, так сказать, живым экспонатом выставки, ибо с его творчеством организаторы стенда Украины (государственный комитет телерадиовещания) намерены были знакомить посетителей национального павильона. Дизайн стенда не поразил Александра Александровича, этот дизайн демонстрировал гирлянды из пластиковых подсолнухов, они украшали закрытые за стеклянными витринами книги 30 украинских издательств. Фольклорно-этнографический бренд Украины, полагает писатель, заметно проигрывал на фоне вы-

ставок издательских домов Германии, Франции, даже братьев-сербов или болгар, особенно страны-гостя выставки Южной Кореи, павильон которой привлек к себе наибольшее количество публики, поражал элегантностью и изяществом линий открытых книжных выкладок. Оказывается, книгопечатанье в Корее возникло еще за 200 лет до Гутенберга, об этом посетители могли узнать, скачав информацию на дисплеи своих мобильных телефонов из книг E-Book. Доисторические каменные колонны павильона (конечно, их оформительская имитация) рядом с современными ноутбуками создавали ощутимый эффект движения познания, светящиеся и вертящиеся книжные полки информировали о том, что в Корее работает более 20 тысяч издательств и только за минувший год было издано 50 тысяч наименований книг.

Украинские книжники обратили внимание на то, что посетители почти равнодушно брали в руки бестселлеры, но проявляли повышенный интерес к аудио-изданиям и отдавали предпочтение книжкам формата mp3. “Книгу из Интернета” демонстрировали и европейские, и корейские издатели, в ближайшие годы такая динамичная форма познания будет несомненным лидером медиа-технологий, этой тенденции, пожалуй, не миновать и национальному книгопроизводству.

А. Сизоненко, легендарный боец Второй мировой (был расстрелян в апреле 1945-го на Фридрихштрассе недалеко от рейхстага) представлял на национальном стенде свою трилогию “Советский солдат”, изданную в Киеве в рамках программы социально значимых произведений. Украинскую книжную продукцию презентовали также монография “Україна – козацька держава” (вес 15 кг) и репринтно изданный вариант рукописи романа М.А. Шолохова “Тихий Дон”, лишний раз подтверждающий подлинность шолоховского авторства. Книга нашего земляка о победе советского солдата над фашизмом, как справедливо об этом пишет Г. Самоцвит (“Зеркало недели”), не вызвала особого интереса посетителей украинского павильона. Александр Александрович вообще не жалуется выставочную публику, она запомнилась отдельными зеваками, молоденькими парами и группами учащихся, которые жевали свои чипсы, орбит и орехи, словно

выполняли коллективное школьное задание. Серьезного знакомства европейских издателей с творчеством украинских писателей сегодня не существует. Ю. Андрухович, О. Забужко, А. Курков и еще несколько имен молодых авторов только прокладывают дорогу на запад для современной украинской литературы. Совершенно очевидно, что этот процесс нуждается в системном продвижении украинской книги за границу с вмешательством государственных средств. Нужна и целенаправленная пропаганда отечественной книжной продукции.

Следующие международные смотрины украинской книги намечены на осень, Украина в качестве гостя приглашена на не менее именитый форум – Лейпцигскую книжную ярмарку – 2006. Между прочим, участие в ярмарке города на Майне обошлось для украинского читателя-налогоплательщика в 400 тысяч гривен.

Разумеется, выставочная экспозиция украинского книгоиздания не ставила цель информировать международную общественность о проблемах и парадоксах национального медиа-продукта. Эти внутренние вопросы заслуживают отдельного разговора. А между тем в эту же осеннюю пору на киевских книжных развалах правил бал некий сверхсекретный агент Малко Ланге, персонаж известного мастера детективного жанра Жерара де Вилье. Ланге на этот раз сражался с темными силами Москвы. Бестселлер французского писателя назывался “Убить Ющенко”. Читательскую аудиторию этому произведению подарило, как ни странно, киевское издательство “Школа”. К сожалению, это не единственный пример реализации инвестиционных проектов на национальной книжной почве. Свою лепту внесло и харьковское издательство “Фолио”, предложив свой вариант реализованного политического заказа – книгу Юрия Рогозы “Убить Юлю”.

В городе на Южном Буге

Региональный показ книжной продукции, конечно, не сопоставим с международной демонстрацией наших культурных устремлений, однако общее в такой демонстрации можно без труда определить: в городе на Майне и в городе на Южном Буге книжные вернисажи вызвали ощущение праздника. Библиотечные работники, писатели, студенты шли не на шоу эстрадных звезд, не на показ мод и

даже не на ярмарку пива, а на фестиваль книги, таковых было на стендах более 400 – всех заявленных участников выставки, шестнадцати николаевских полиграфических предприятий. Можно свидетельствовать: почти все самоновейшие медиа-технологии, продемонстрированные за рубежом, вполне доступны и николаевским читателям – традиционные книги из бумаги и картона, их компьютерные аналоги. К счастью, медиа-прогресс не обходит стороной украинскую провинцию, ей не хватает единственного – профессионализма.

Те 16 издательских предприятий, которые представляли свою продукцию на выставке “Николаевская книга – 2006”, видимо, вполне удовлетворяют запросы регионального читателя и автора: по первому предложению вам в короткий срок напечатают все – от визитной карточки и романа до семейного альбома.

Четыре года назад на первой подобной городской выставке мы радостно провозгласили: после советских десятилетий забвения в город, наконец, вернулась старая традиция книгопечатания. Было бы справедливым соорудить в Николаеве памятник, такой же, какие стоят в Москве, Лейпциге, Львове – первопечатникам, подарившим соотечественникам чудо цивилизации – книгу. В Николаеве первопечатником стал московский книгоиздатель Семен Селивановский. В годину личных неудач он принял предложение председателя Черноморского адмиралтейского правления, командующего флотом адмирала Н. Мордвинова, переехал в Николаев и уже через год напечатал в организованной им типографии Черноморского адмиралтейства “Букварь французский (новый) с приобщением словаря французских изречений и разговоров”. Это был учебник для воспитанников штурманского училища. Букварь вышел в 1797 году. Спустя двенадцать месяцев, со станка адмиралтейской типографии сошли шесть книг. В 1800 году Селивановского в Николаеве уже не было, благородную миссию первого типографа продолжили его ученики.

Нам известны более двухсот названий книг, напечатанных в местных типографиях до 1900 года. Подлинным расцветом книгоиздания в городе на Южном Буге можно считать первое десятилетие XX века. В эту пору в Николаеве выходили до трех десятков периодических изданий, около десятка естественно-научных, культурологиче-

ских и сатирических журналов. На “Физик-любитель”, к примеру, существовала даже общероссийская подписка. Сегодня вековую традицию поддерживают прежде всего издательства высших учебных заведений. Самое старое из них – типография бывшего кораблестроительного института, печатающая труды своих ученых с конца 20-х годов прошлого века. Научные, учебные издания уже Национального университета кораблестроения отличаются высоким профессиональным уровнем. Уместно заметить, что вузовское издательство возглавляет человек, хорошо знающий полиграфическое и редакторское дело, воспитанник Украинской академии печати Ю.И. Лебедев. С книжной продукцией кораблестроителей успешно конкурируют издания НГТУ им. Могилы, Южнославянского института, аграрной академии.

Характеризуя развитие издательского дела в крае, следует заметить, что эта важная отрасль экономической и культурной жизни в последние годы приобрела качественные изменения в связи с тем, что в городе появились молодые специалисты в области издательского дела и редактирования. Их выпуски состоялись в бывшем пединституте и межрегиональном университете “Украина”.

Специалисты издательского дела активно используют выражение квалиология (от лат. *qualitas* – качество). Квалиология книги охватывает социальные, философские, экономические, технологические и другие стороны книговедения. Сегодня необходим профессиональный разговор о качестве местных изданий как товара и как социальной ценности. Можно назвать лишь единственное николаевское предприятие “Атолл”, которое решилось демонстрировать свою продукцию на международной книжной ярмарке “Світ книги” (Харьков). Наши издатели пока ориентируются исключительно на внутреннего потребителя.

А между тем, местным книгопечатникам уже есть что показать. Высоким стандартам традиционно соответствует продукция МП “Возможности Киммерии”, удачно заявившего о себе уникальным проектом – энциклопедическим словарем “Николаевцы” (1999). Уже несколько лет оно, привлекая авторитетных авторов, публикует тематическую серию научно-популярной литературы, посвященной

истории Южной Украины. Книги этой серии пользуются повышенным вниманием читателей всего причерноморского региона. Содержательны учебно-методические издания “Илион”, успешно сотрудничающего с учеными Национального университета кораблестроения, госуниверситета, аграрной академии. Растет популярность литературно-художественных изданий Ирины Гудым, которая открывает новые имена талантливых николаевских авторов (С. Гаврилов – повесть “Цирк”, “Турпоход”, “Самурай”).

Процесс рождения книги связан со многими проблемами, в том числе и парадоксами национального книгоиздания, которые хорошо просматриваются и на региональном уровне. Слабым звеном местной продукции масс-медиа по-прежнему остаются периодические издания – газеты, весьма немногочисленные альманахи, обслуживающие преимущественно рекламодателей. Увлекаясь коммерческой выгодой, за издательское дело берутся люди без профессиональных знаний и навыков, имеющие смутное представление о специфике, культуре и этике этого труда. Сплошь и рядом в новообразованных редакциях типографий отсутствуют корректоры, редакторы, эксперты-рецензенты, без участия которых немыслима качественная печатная продукция. Это замечание касается, к примеру, изданий полиграфического объединения “Шамрай”. Любопытное дело, общественность контролирует некачественные продукты питания, а в такой важной сфере культурной, духовной жизни как книгоиздание никакого мониторинга, оказывается, не требуется...

Сегодня книгоиздатели обслуживают в первую очередь запросы профессиональных литераторов. Именно они, поэты, писатели, деятели искусства вместе со своими издателями формируют нравственно-эстетическую среду, в зеркале периодической печати, книжной продукции мы воспринимаем сегодняшний день и шире – картину мира.

После книжных выставок их организаторы обычно объявляют счастливых номинантов – издателей, писателей, тех, кто поразил просвещенное сообщество своими произведениями, образцами наследия Гуттенберга и Федорова. А что у правнуков типографа Селивановского нет своих образцов? Мы могли бы назвать свою регио-

нальную “Книгу года” (заметное издание), “Издательство года”, “Открытие года” (интересный автор), “Выбор читателя” (книга, которая пользуется наибольшим спросом). Издатели могут провести и свою акцию “Книга – детям”. Желательно привлечь к организации книжных смотрин специалистов, которые выступят в роли экспертов при определении лидеров.

В организацию книжных ярмарок национальный комитет вкладывает солидные деньги, а сколько бюджетных средств пошло на поддержку региональной выставки?

ИСТОРИЯ КНИГОПЕЧАТАНИЯ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ: ИЗВЕСТНОЕ И НЕИЗВЕСТНОЕ

Восстанавливая хронику книгоиздания в Северном Причерноморье, следует вспомнить тех энтузиастов, кто изначально проявлял заботу о печатном слове, созидании и такого рода ценностей культуры. После отца-основателя, наместника Новороссийского края, князя Г. Потемкина, мецената искусств и обладателя уникальной личной библиотеки, следует назвать второго интеллектуала и моряка, председателя Черноморского адмиралтейского правления адмирала Н.С. Мордвинова. Выполняя его указание, известный поэт Василий Петров пригласил в Николаев книгоиздателя Семена Иоанникиевича Селивановского, чья типография в Москве служила одновременно словолитней и отличалась образцовыми шрифтами. После указа 1796 года о закрытии “вольных” типографий Селивановский принял предложение Мордвинова и в 1797 году уехал в Николаев для организации гражданской типографии, она получила название “Черноморская адмиралтейская”. В штабе Черноморского флота была велика потребность в географических картах, гидрографических, астрономических изданиях. В справочной и учебной литературе остро нуждались воспитанники Черноморского штурманского, артиллерийского и флотского училищ, которые функционировали в Николаеве. Книжные пособия, грамота были необходимы и мастерским новозаводемой в устье Ингула верфи. Уже через несколько месяцев после при-

езда московского типографа в Николаеве был напечатан “Букварь французский (новый), с приобщением словаря французских изречений и разговоров” и сочинение В. Петрова “Торжественное венчание на царство и помазание его импер. вел. Павла Первого...” [2].

В следующем году “Букварь ” был переиздан, здесь увидело свет сочинение учителя, а позже офицера флота Петра Захарьина “Арфасад” – “халдейская вымышленная повесть”. Захарьин сумел опубликовать и исторический труд – “Новый синопсис, или Краткое описание о происхождении славянорусского народа, владычествование всероссийских государей в Нове Городе, Киеве, Владимире и Москве...”, наставления для обучающегося юношества “Путь к благонавию...”. Штурман Юферов перевел с английского и напечатал в новозаведенной типографии сочинение Линда “Опыт о действительнейших способах к сохранению здоровья морских служителей и рассуждения о горячках и заразах вообще с прибавлением о болезнях тюремной и проч.” Таким образом просвещенное николаевское общество в 1798 году получило 7 книг (возможно их было больше). В первом томе изданной в 1813 году книги “Опыт российской библиографии от начала заведения типографий до 1813 г.” В.С. Сопикова приводится перечень 39 губернских городов России, кроме Санкт-Петербурга и Москвы, где существуют типографии. В этом списке упомянут и город Николаев с “типографией при Черноморском правлении”.

Особое место среди первых изданий николаевской адмиралтейской типографии занимала большая поэма “Таврида, или Мой летний день в Таврическом Херсонесе. Лирико-эпическое песнотворение”. Ее автором был выпускник Московского университета капитан С.С. Бобров (1763–1810), служивший под началом адмирала Мордвинова. Книга была напечатана в Черноморской адмиралтейской типографии в 1798 году в 8-ю долю листа. Поэма отражала впечатления путешествия по Крыму, где Боброву удалось побывать вместе со своим начальником. Произведение получило известность среди российской читающей публики, писателей и вызвало иронические упреки современников в дурном вкусе автора, дидактичности, мистицизме, хотя позднейшие исследователи называют поэму энциклопедией,

даже лабораторией русского стихосложения, усматривая в необычных символах и метафорах признаки гениальности Боброва. До нас дошла и оценка А.С. Пушкина, который в декабре 1823 года писал из Одессы П.А. Вяземскому о своем “искушении “Тавридой” – “мне хотелось что-нибудь у него украсть...” [4]. Видоизмененные поэтические строки Боброва можно встретить в пушкинском “Бахчисарайском фонтане” и в других его произведениях.

Годы службы в Николаеве для переводчика адмиралтейства, капитана Боброва были весьма плодотворными. 5 ноября 1794 г. он присутствовал при спуске на воду 74-пушечного линейного корабля “Святой Петр”. Этому событию капитан посвящает поэтическое послание “К кораблю” – “Ступай в объятия Фемиды серебристы...”. Из-под пера Боброва рождается и ода, адресованная “покровителю и любителю российской словесности” графу Н.С. Мордвинову. В Николаеве увидели свет сочинения профессора земледелия М. Ливанова, адресованные новопоселенцам южного края; профессора математики Черноморского штурманского училища П.И. Суворова, речи великого князя Константина Павловича и ода по случаю его посещения города. К концу XVIII в. в Николаеве были напечатаны более двух десятков книг (из 237, опубликованных в российской провинции).

В 1800 г. С.И. Селивановский вернулся в Москву, оставив мастеров и вполне налаженное типографское хозяйство с двумя печатными станками и несколькими десятками пудов русских, французских, немецких шрифтов и деревянных литер разной величины. Отливку шрифтов и линеек производила типографская словолитня. В первые годы нового столетия в городе выходят в среднем пять книг в год: учебные пособия, предназначенные воспитанникам штурманского училища, переводные сочинения (И. Кант “Основание для метафизики нравов”, 1803), труды врача-эпидемиолога Д.С. Самойловича.

“Николаевская Черноморская типография, – свидетельствовал историк Н. Мурзакевич, – с 1800 по 1820 год делается во всем крае единственною, отколь появлялись в свет сочинения ученого и литературного содержания” [3].

Следует заметить, что на обложках первых николаевских изданий и последующих десятилетий значится указание четырех мест изданий: Николаев, типография Черноморского адмиралтейства, Николаев, типография Черноморского штурманского училища; Николаев, типография Черноморского гидрографического депо и Николаев, без указания типографии. Можно предположить, что книгопечатание в городе на Южном Буге по сути имело один типографский адрес, менялось лишь ведомственная подчиненность издательского предприятия. Это подтверждается и доступными документами военно-исторических материалов и истории русского флота. Последним смотрителем типографии адмиралтейства был известный русский гидрограф лейтенант И.М. Будищев. В 1860 году николаевская типография располагала 5 ручными печатными станками и набором различных шрифтов: русских – 154 пуда 15,5 фунта; французских – 4 пуда 12,5 фунта, немецких – 4 пуда 23 фунтов. Всего 164 пудов 18 фунтов и литер разной величины (деревянных) русских – 426. Типографию обслуживали 13 работников. Типографская словолитня отличала шрифты и линейки [1].

Новый список местных изданий XIX в. открывают труды гидрографа М.П. Манганари, астронома К.Х. Кнорре, генерал-лейтенанта артиллерии К.И. Константинова, адмирала А.С. Грейга, историка З.А. Аркаса, теоретика военно-морского дела Г.И. Бутакова. В 1832 г. адмиралтейская типография (Черноморское гидрографическое депо) выпустила “малороссийскую повесть” одессита Николая Венгера “Микола Коваль”. Это была первое издание на украинском языке в южном регионе. Долгие годы исследователи искали это редчайшее издание, отразившее настроения украинских крестьян, их протест против желания польской шляхты включить в состав Польши Правобережную Украину.

Повесть отсутствует в книгохранилищах Украины и лишь сравнительно недавно она была обнаружена в национальной библиотеке России им. М. Салтыкова-Щедрина (Санкт-Петербург).

В конце 1864 г. адмиралтейская типография была сдана в аренду для печатания первого периодического издания, городской газеты “Николаевский вестник”. В Херсонской губернии получают широкое

распространение частные типографии, полностью заменившие казенные. Они и продолжили культурную традицию. Помимо выпусков специального назначения – лоций, лекций по судостроению, описаний маяков, гидрографических карт, – в городе увеличивается количество справочных изданий. Отставной флотский офицер Е.С. Павловский напечатал первый “Путеводитель и адрес-календарь г. Николаева на 1869 год”, стали регулярно выходить губернские статистические отчеты, библиотечные каталоги, материалы юбилейных чтений, уставы общественных организаций и объединений любителей (фотографов, велосипедистов). В 1875 г. оригинальное сочинение-эссе опубликовал бывший флотский офицер, друг Ф. Достоевского поднадзорный поэт-петрашевец А.П. Баласогло (1813–1893). Его хроника жизни “Обломки” вышла под прозрачным псевдонимом А. Белосоколов – “Черновые записки морского содержания, 1817–1867. Собрание мыслей, мнений и сочинения бывшего флотского офицера...”. Несколько редчайших экземпляров этого издания имеется лишь в фондах Севастопольской морской библиотеки и музея книги Российской государственной библиотеки (бывшей им. Ленина).

В Николаеве печатались мемуарные произведения, исторические труды членов Одесского общества истории и древностей, к 100-летию города секретарь городской Думы, литератор Г.Н. Ге опубликовал исторический очерк Николаева, который и в наши дни имеет неоспоримую источниковедческую цену. Широкому кругу читателей адресовался сборник анекдотов Д. Попова “Шутник”, в 1899 г. был издан труд популярного французского географа и путешественника Элизе Реклю “Доисторические времена”. Все николаевские издания, как правило, были хорошо оформлены, снабжались иллюстрациями, схемами, картами, рисунками, фотографиями. Тиражи их составляли от 300 до 1000 экземпляров и были доступны читателю.

До конца XIX в. в городе на Южном Буге были напечатаны более 240 книг, некоторые из них остаются мало изученными. Это касается, к примеру, исторической новеллы “Мария Гамильтон” (1909) Германа Клейфа, публиковавшегося под псевдонимом Грицько Кохнивченко, женских романов писательницы А.Я. Марченко, скончавшейся осенью 1880 г. в селе Ковалевка нынешней Николаевской об-

ласти. В 1850 году в Николаеве вышел сборник стихотворений малоизвестного автора Григория Бригера. Остаются недоступными для историков две ранние пьесы Владимира Даля, опубликованные в Николаеве: “Невеста в мешке, или билет в Казань” (1821) и “Медведь в маскарade” (1822). Эти произведения отсутствуют в собраниях украинских общественных библиотек. Следует упомянуть еще одно редкое издание, родившееся в кругу деятелей местной “Просвиты”. В 1916 году в Николаеве увидел свет “Словник Шевченкової мови”, составленный неизвестным автором, скрывшимся под псевдонимом “Нестор – Літописець”. Словник знакомил читателей с алфавитным списком слов, использованных Т. Шевченко в “Кобзарє”.

К сожалению, до сих пор не существует сводного каталога местных книжных изданий прошлых столетий. В 1996 году Николаевский областной краеведческий музей издал каталог (составитель И.В. Гаврилов) собственной коллекции книг и брошюр, опубликованных в г. Николаеве в 1789–1917 годах. Малое музейное собрание насчитывает 45 названий.

Можно заметить, что известный каталог “Книги гражданского друку, видані на Україні. XVIII – перша половина XIX століття” (Харків, 1971), составленный С.А. Петровым по материалам Книжной палаты УССР, не дает объективной картины книгопечатания в Северном Причерноморье. В него не включены десятки николаевских изданий.

В первое десятилетие XX в. вплоть до 1917 г. в городе на Южном Буге функционировали 14 типографий, выходило большое количество периодики – местных газет, 10 технических, естественнонаучных и культурологических журналов, включая “Южное слово”, иллюстрированные сатирические еженедельники “Оса” и “Паяц”. Некоторые из них рассылались иногородним подписчикам. Лидером книгопечатанья в эту пору выступает известный николаевский педагог и популяризатор знаний, писатель В.В. Рюмин, который наладил деятельность издательства “Электричество и жизнь”. В 1914 году его каталог насчитывал 34 наименования справочной, учебной и научно-популярной литературы.

Таким образом, на основании имеющихся исторических источников, собственно сохранившихся книжных раритетов, документов и письменных свидетельств современников можно сделать такие выводы.

Гражданское книгопечатание возникло на юге благодаря усилиям наместника Новороссийского края, генерал-фельдмаршала Григория Потемкина. Через неполные десять лет после спуска на воду первенца черноморского кораблестроения фрегата “Святой Николай” (1790) в городе на Южном Буге было положено начало систематическому печатанию книг. Имя николаевского первопечатника – московский книгоиздатель Семен Иоанникиевич Селивановский. После непродолжительной работы в Николаеве он передал новозаведенную адмиралтейскую типографию своим ученикам.

Николаевская адмиралтейская типография была четвертой в Северном Причерноморье. В 1791 году по воле Потемкина была учреждена губернская друкарня в Кременчуге, через год Армянно-григорианский архиепископ Иосиф основал типографию в нахичиванском монастыре. Уже после смерти Г. Потемкина архиепископ Амвросий Серебренников открыл дубоссарскую типографию в Молдавии. В 1800 году появилась типография и в Новороссийске.

1. *ГАНУ*. – Ф. 230. Канцелярия Николаевского военного губернатора. – Оп. 1, ед. х. 7807, 11794, 11953, 13832.
2. *Леонтьев А.Н.* Опыт указателя книг и статей, относящихся к Херсонской губернии. Приложение к Херсонскому земскому сборнику. – Херсон, 1890. – С. 112.
3. *Мурзакевич Н.* Начало книгопечатания в Новороссийском крае. – ЗОИИД, т. 2, отделение первое, – Одесса, 1850. – С. 218.
4. *Пушкин А.С.* Из письма П.А. Вяземскому 1-8 декабря 1823 г. ПСС в десяти томах, т. 10. – Л., 1979. – С. 62.

ТРОПОЮ БУРЕВЕСТНИКА

Украинские странствия М. Горького

Странствия молодого Алексея Пешкова по Украине стали серьезной вехой в личном и творческом становлении великого русского писателя М. Горького. Реконструируя историко-литературные факты, автобиографические свидетельства самого писателя, сведения региональной истории, сегодня можно точнее представить путь Алексея Пешкова, попытаться восстановить его маршрут путешествия по Северному Причерноморью, первые шаги в познании Украины.

1

В сентябре 1900 года А.М. Горький сообщал своему первому биографу, литературоведу В.Ф. Боцяновскому: “Если вас интересуют данные биографического характера – вы можете почерпнуть их в таких рассказах, как “Мой спутник”. Такого рода данных у писателя можно найти множество, они представлены в авторских комментариях к ранним произведениям и легко обнаруживаются в рассказах “Вывод”, “Челкаш”, “На соли”, “Емельян Пиляй”, где повествователь, молодой Пешков, скитаясь по стране, знакомился с бытом и обычаями людей. Он пересек всю Украину с северо-востока на юго-запад, шел по причерноморской земле, рассказывал о встречах в степи, на берегу моря, в николаевской больнице, воспроизводил беседы со случайными попутчиками – одесским босяком, грузином Шакро, бывшим солдатом, беглым мужиком, чабанами, очаковскими рыбаками, рабочими соляного промысла. Это были герои ранних произведений Горького.

15 июля 1891 года в знойный летний день он приходит в Кандыбовку. Село это, расположенное в 24 верстах от Николаева (ныне Новоодесского р-на Николаевской области), путник обычно не миновал. В XVIII в. здесь располагался казацкий зимовник. Долгие годы местность пустовала, хотя земли бывшего Дикого Поля под слободку были выделены еще в 1774 году. Лишь с учреждением почтовой станции – одной из первых на большой дороге одесского направления, рядом с ней появились первые жилые строения. В 1820 году

название села было зафиксированно в документах – “казенный конный завод станции Кандыбинская” – по фамилии владельца земель, участника русско-турецкой войны генерал-майора Т.Д. Кандыбы.

Когда Пешков попал в Кандыбовку, здесь проживало чуть более 150 жителей (29 дворов); действовала торговая лавка, земская почтовая станция, содержащая 10 троек лошадей. Благодаря близости большого города – Николаева, оживленному почтовому тракту, придорожной корчме, хорошему источнику воды с купальней (местные жители его называют “фонтан”) в селе всегда было многолюдно.

В Кандыбино Пешков стал свидетелем редкой сцены: по главной сельской улице за телегой, на ней стоял высокий рыжий детина с кнутом, “с диким воем” двигалась возбужденная толпа мужиков, баб и мальчишек. Все они участвовали в “выводе”, публичном наказании женщины, на которую пало подозрение в измене мужу. Рыжий мужик наотмашь хлестал кнутом привязанную к телеге совершенно обнаженную женщину.

Мы знаем, как далее развивались события в тот солнечный июльский день. Хождение Пешкова по Украине не было сплошным созерцанием достопримечательностей и красот природы. Протестуя против “свинцовых мерзостей жизни”, он вступился за жертву. Позже писатель сообщит своему биографу: “Меня сильно избили, вывели из села Кандыбовки – 24-30 верст от Николаева – и бросили в кусты, в грязь, чем я и был спасен от преждевременной смерти, ибо получил “компресс”. В Николаев меня привез шарманщик, ехавший с какой-то сельской ярмарки...”.

Ныне покойный сотрудник Николаевского краеведческого музея Ф.Т. Каминский рассказывал, что в Николаевском областном архиве до 1930 года сохранялся скорбный лист Алексея Пешкова – так раньше называли больничный документ – историю болезни. В скорбном листе Пешкова значился перелом трех ребер.

Кандыбинская драма запечатлена, как известно, в полутрагическом рассказе или очерке “Вывод” (1895), этой невымышленной истории, которая даже трудно поддается формальному определению, писатель порой часто создавал произведения пограничных жанров. “А небо, южное небо, совершенно чисто, – ни одной тучки, солнце

щедро льет жгучие лучи...”, – так завершалась сцена “вывода”. И здесь же повествователь комментировал: “Это возможно в среде людей безграмотных, бессовестных, одичавших от волчьей жизни в зависти и жадности”.

Смежная форма многих ранних произведений Горького обуславливалась позицией автора. Молодой писатель объявлял свои суровые приговоры российской социальной действительности от первого лица, не забывая при этом расцвечивать изображение яркими красками южноукраинской природы: необозримых степей, песчаных отмелей, “бархатного” ночного неба. Пейзаж в горьковских рассказах причерноморского цикла выполняет разную функцию. В одних случаях он контрастнее обнажал противоречия жизни, но чаще всего картины природы служили средством выражения настроений самого повествователя, его желания примирить героя с самим собой, выступали той символической силой, которая среди серой обыденности рождала надежду, напоминала о вечной обновляемости сущего.

Вот другой пример из рассказа “Емельян Пиляй” (1893).

– Здравствуйте! – обращаются чабаны к двум случайным встречным в степи, – где ж вы идете?

– К Очакову на соль.

Утолив голод хлебом и салом, которым милостиво поделились пастухи, путники принимают решение заночевать в степи, они чутко прислушиваются к доносящемуся плеску волн, наблюдая, как меняется состояние природы.

В переписке Горького есть упоминание еще одного рассказа южного цикла – “Мой спутник” (1894). В 1903 году он пишет директору-распорядителю книгоиздательства товарищества “Знание” К.П. Пятницкому: “Посылаю очень интересный документ, полученный мной сегодня, 26-го октября, в день одиннадцатой годовщины моего писательства. Пишет – Шакро, “мой спутник”.

В герое рассказа Горького узнал себя кондуктор – грузин Шакро. В редакции газеты “Цхобис-Пурцели” он рассказал о своих скитаниях с Горьким, с которым встретился в августе 1891 года в Одессе. Горький шел из Харькова. По дороге забрел в один монастырь, где какие-то два странника дочиста его обобрали. В тот день они и

встретились, ночевали в саду. “На другой день искали работы, но не нашли, поэтому решили отправиться в Николаев. Путешествовали семь дней. Работы и там не нашли...”.

Любопытно, что М. Горький в упоминаемом письме к Пятницкому, подчеркивал: “Сохраните это письмо – оно все же подтверждает тот факт, что я не очень много вру”. По-видимому, он был согласен с изложением событий, сделанным его “спутником” Шакро.

2

План А. Пешкова переправиться из Одессы на Кавказ не удался, и он уже вторично возвращается в Николаев. Идет берегом моря и попадает на соляной промысел. Можно утверждать, что это наиболее вероятный маршрут его путешествия, ибо не мог Пешков, едва оправившись после ран, взяться за перевозку шестнадцатипудовых тачек с солью, а ведь именно так следует из указаний четырехтомной “Летописи жизни и творчества А.М. Горького”. Ее некоторые данные, на наш взгляд, основательно устарели и нуждаются в уточнении.

В середине XIX века в Одесском уезде Херсонской губернии действовали три промысла, на которых производилась вывочка соли. Процесс ее самопроизвольного выпаривания под воздействием солнечных лучей, существование соленых озер в Причерноморье описаны еще в “скифском” рассказе “Истории” Геродота. На очаковском направлении действовал Тузловский соляной промысел. До активного применения механизмов, архимедовых винтов, то есть водоподъемных машин с винтовым валом, установленным в наклонной трубе, нижний конец которой был погружен в озеро и вместе с водой подавал на берег кристаллы соли; до этих машин на причерноморских соляных промыслах в начале 90-х годов использовался исключительно лошадиный и человеческий труд.

Если судить по горьковскому описанию процесса добычи самосадочной соли на озере в Тузлах (ныне Березанского р-на Николаевской обл., вывочка соли здесь прекратилась после 1914 г.), в 1891 году еще не применялись ни паровые машины, ни локомотивы.

– Какая наша жизнь? – объяснял новичкам рабочий-каталь соли.
– Каторжная! Тачка – шестнадцать пуд, рапа ноги рвет, солнце палит

тебя, как огнем, целый день, а день – полтина! – Али этого мало, чтобы озвереть?

В рассказе “На соли” Горький оставил редкое по нынешним временам изображение забытого промысла:

“Скоро передо мной развернулась картина соляной добычи, – рассказывает автор. – Три квадрата земли сажены по двести, окопанные низенькими валами и обведенные узкими канавками, представляли три фазиса добычи. В одном, полном морской воды, соль выпаривалась, оседая блестящим на солнце бледно-серым, с розоватым оттенком, пластом. В другом – она сгребалась в кучу. Сгребавшие ее женищины, с лопатами в руках, по колено топтались в блестящей черной грязи... Из третьего квадрата соль вывозилась... Все были измучены и обожжены на солнце, беспощадно сжигавшее кожу, на доски, колебавшиеся под колесами тачек, на рапу, этот скверный, жирный и соленый ил, перемешанный с острыми кристаллами, царапавшими ноги и потом разъедавшими царапины в большие мокнущие раны, – на все окружавшее их”.

Изображая непригляднейшие стороны жизни (соледобытчики надругались над новичком, в рассказе он автор-повествователь), Горький намеренно противопоставлял страшные сцены труда красоте южной природы. Трагическая коллизия между стремлением к труду и его рабским характером осознавалась молодым писателем как главное противоречие эпохи.

После Тузлов Пешков следует в Херсон и далее в Крым. Его память еще хранила встречу с насмешливым одесским босяком в николаевской больнице, воспоминание о “маленькой драме, разыгравшейся между двумя людьми”, истории, ставшей сюжетом еще одного “николаевского” рассказа – “Челкаш” (1894).

3

Украинские страницы биографии писателя заставляют вспомнить и знаменитую Мануйловку, куда дважды, в 1897 и 1900 годах Пешков приезжал на летний отдых. Находясь на лечении в Алушке, семья писателя познакомилась с помещицей А.А. Орловской, которая и пригласила Пешковых в свое село – Мануйловку Полтавской губернии. Здесь супруги прожили пять с половиной месяцев. 9 авгу-

ста 1897 года у них родился сын Максим. Пребывание в украинском селе стало важным событием творческой эволюции писателя. Здесь произошло серьезное знакомство с украинскими народными традициями, крестьянской культурой, творчеством Т.Г. Шевченко. По инициативе Горького в селе были созданы женская и мужская воскресные школы, организован любительский театр, хор. 29 июня 1897 года Алексей Максимович посетил ярмарку в селе Голтве. Позже он вспоминал: “Побывав впервые на одной из украинских ярмарок, я не мог оторваться от игры кобзарей, бандуристов, лирников – этой жемчужины народного творчества”. Молодому писателю хорошо работалось в окружении новых друзей-крестьян. Об этом свидетельствуют материалы литературно-мемориального музея М. Горького, открытого в Мануйловке в 1938 году (через год он получил статус – государственного). Здесь представлены произведения Горького, написанные в Мануйловке. Среди них – рассказы “Мальва”, “Ярмарка в Голтве”, “Супруги Орловы”, повести “Трое”, “Мужики”, “Коновалов”.

После развала СССР деятельность музея в Мануйловке (ныне Козельщинского р-на Полтавской обл.), к сожалению, практически свернута, более двух десятков лет здесь не производился ремонт. Отсутствует и регулярное сообщение общественного транспорта с Мануйловкой. А вот горьковские места Крыма (Алупка, Тессели) не забыты, они включены в туристические маршруты, по-прежнему являются центрами посещения. Большая экспозиция, посвященная раннему творчеству писателя, представлена в Ялтинском историко-литературном музее. В 2006 году Крымский центр гуманитарных исследований (Таврический национальный ун-т им. В. Вернадского) уже седьмой раз организует Международные Горьковские научные чтения.

И еще несколько региональных фактов горьковской биографии. 22 февраля 1935 года в село Кандыбино Николаевской области неожиданно приехала специальная бригада сотрудников популярной в стране “Крестьянской газеты” – органа центрального комитета Всесоюзной партии большевиков. Журналисты заходили в крестьянские хаты, расспрашивали стариков, собирали подписи, фотографировали, а 8-го марта в международный коммунистический женский день

“Крестьянская газета” вышла с крупным заголовком на первой странице: “Слава великой ленинской партии, раскрепостившей работниц и крестьянок!”. Весь праздничный номер – восемь газетных полос посвящались жизни современного украинского села Кандыбино.

“Под редакцией великого Октября” – провозглашала газета и публиковала свою, журналистскую версию новой кандыбинской истории: “С торжественной песней движется замечательная процессия... Идут женщины с красным шелковым знаменем, с гордо возбужденными лицами и сверкающими глазами...”. Далее на газетной странице следовало большое коллективное письмо под названием “Нашему первому заступнику”. Вот его фрагмент:

“Дорогой наш, любимый Алексей Максимович!

Пишут тебе, нашему родному, колхозницы села Кандыбина. По рассказам здешних старых людей и по твоему правдивому страшному рассказу “Вывод” мы с малых лет знаем, что давние мы с вами знакомые, дорогой Алексей Максимович. Нерадостна была та первая наша встреча, больно вспоминать о ней.

44 года назад ты видел, как Гайченко Сильвестр зверски издевался над своей женой Гарпыной ...”.

Далее колхозницы сообщали о “новой жизни”, изгнанном попе, успешной ликвидации неграмотности, действующем в селе драмкружке и давали обещание вывести коллективное хозяйство в число образцовых, отмечая при этом тот факт, что местное руководство недооценивает женщин, рассуждая по-старому: “Бабье дело горшками командовать”. Сельские корреспондентки писали также о намерении местного руководства построить клуб, новую школу-десятилетку и просили дать разрешение на переименование села в Пешково в “честь родного нашего первого борца за раскрепощение женщины”. Редакция “Крестьянской газеты” публиковала также коллективное письмо кандыбинских школьников.

Материалы, привезенные столичными журналистами из украинского села, стали известны А.М. Горькому. “Крестьянская газета” печатала их вместе с рассказом “Вывод” и ответом писателя кандыбинским женщинам. При этом Горький счел необходимым подвергнуть свое раннее произведение незначительной правке и добавил заключительный абзац:

“Это я написал не выдуманное мною изображение истязания правды – нет, к сожалению, это не выдумка. Это называется “вывод” ... Это бытовая картина, обычай, и это я видел в 1891 году, 15 июля, в деревне Кандыбовке, Херсонской губернии, Николаевского уезда”.

Здесь же в газетной полосе редакция печатала факсимильно воспроизведенные “примечания” Алексея Максимовича:

“Прочитал Горький этот рассказ в рукописи и завистливо сказал сам себе:

– Эх, Максимыч, побывать бы тебе еще разок в Кандыбове, полюбоваться на людей, пожать могучие их руки! Но – староват Горький, слабоват стал. И может только заочно приветствовать новых людей удивительной родины нашей.

М. Горький”.

4

Сегодня историки, горьковеды знают гораздо больше о Буревестнике, и эта правда включает факты, свидетельствующие о Горьком – жертвенной фигуре своего времени.

Эмигрант Владимир Набоков, знавший творчество Горького понаслышке, в лекциях о русской литературе, изданных для американских студентов, со снисходительной циничностью писал о Горьком как бездарном литераторе, пьянице и убежденном конформисте. “Художественный талант Горького не имеет большой ценности”, – заявлял он. Даже поразительная осведомленность автора “Лолиты” относительно причины смерти Горького, знание того, что десятилетиями было скрыто от исследователей, не служили поводом для покаянного суда: “Существует множество свидетельств, – замечал В. Набоков, – что он был отравлен советской тайной полицией – так называемой ЧК”.

Горький скончался семьдесят лет тому назад – 18 июня 1936 года. Это утрату оплакивал и украинский народ. Странные обстоятельства, сопровождавшие смерть, процесс по делу “врачей-убийц великого пролетарского писателя” породили массу слухов. Имя Горького стало множиться в пересказах, мифах, которые тоже становились предметом “научного” изучения. Начиналась вторая, уже посмертная жизнь Алексей Пешкова.

В 1938 году известный украинский филолог Д. Косарик (общался с Екатериной Павловной Пешковой) опубликовал в журнале “Український фольклор” записанный им рассказ кандыбинской колхозницы о поездке в Москву для участия в похоронах писателя. “Смерть Горького, – писал в предисловии Д. Косарик, – вызвала на Украине взволнованные отклики. Рассказ Домахи Ивановны Задвицкой из села Кандыбина показывает глубокую народную скорбь и по форме напоминает плач, но без истерики и отчаяния. Элементы плача тут лишь усиливают повествование, придавая ему больше теплоты и лиричности”. Но предоставим читателю возможность судить о рассказе колхозницы:

“Рознесла я пошту по полю. Тільки увішла в хату, коли до мого двору машина підлітає. І гудками кличе:

Скоріше сідайте.

Поїхали. Біля сільради бачу жалобний прапор крило звів, люди сходяться. Я так і догадалась: це Максим Горький... На мітингу голова райвиконкому прочитав телеграму. Зійшов на трибуну школяр та як защебече: “Може й наше село, каже, винувате, що так рано він помер”. В кожного здавило горло, сльози на очах.

Вибрали мене й Катрю делегатами в Москву – вінок від села Кандибівки покласти на його домовину. Ось ми стоїмо у Миколаєві виглядаємо літака з Одеси. Катря до мене притулилась, як винурнув спід сонця він. У неї серце здригнулося. Посідали. Знімаємось. Не встигли оглянутись, а вже і Кривий Ріг. Тут набрали пального і далі, через Дніпропетровськ. Дніпро під нами віється, а ми над ним гойдаємось. Машина шість душ несе, кожний по своїх справах поспішає. Ось і Москва. Скільки тих рейок та поїздів до центру біжить. Прилетіли ми швидче ниці. А тіла його вже не застали. Поспішаємо на Красну площу. На трибуні з правого крила мавзолею стоїмо. Ось несуть... перегинаємось, хочеться ж Сталіна побачити, а з ним товариші Молотов і Каганович на плечах несуть урну. У Сталіна траур на руці і сум на обличчі. Поставили... Товариш Молотов промовляє у мікрофон, і через репродуктори його мова лине, а в нас думки до свого села сягають... Ще ж недавно ми живому Максиму Горькому листа в Москву посилали. Низенький поклон від жінок передавали

та до себе в гості, як рідного, закликали. Коли б оце в нас на кладовищі, я б не витримала й заголосила. Може б не так серце камнем давило...

Аж ось Сталін і письменник Олексій Толстой з мавзолею Леніна зійшли і на плечі урну взяли. Ударили гармати салютами. А люди голови схилили.

Дорога людина померла, – говорив В'ячеслав Михайлович.

Важко було Сталіну нести прах його, і всім людям важко. Годинник на башті дзвонить почав і гармати палили. Сумно. Ніхто ні слова. Прапори тільки шелестять”.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПЕДАГОГІЧНА
ПРЕСА» —
ЖУРНАЛЫ
НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

в школах Украины
2/2003

ИСПОЛЗОВАНО СТИХИДРОМ
РУССКИЙ ЯЗЫК
И ЛИТЕРАТУРА
в учебных заведениях

Человек
КНИЖНАЯ ЛАВКА

3/2005

ПУТЕВОДИТЕЛЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Роман-журнал XXI века

ХАЛТУРА В “ШКОЛЕ”

Жерар де Вилье. **Убить Ющенко**. – Киев: Школа, 2005.

Юрий Рогоза. **Убить Юлю**. – Харьков: Фолио, 2006.

В конце семидесятых читающая публика советских лет была увлечена катаевской прозой. Автор романа “Алмазный мой венец” заставил своих поклонников заглядывать в сочинения Маяковского, Пастернака, Бабеля, Хлебникова. На страницах его лирического романа ожили персонажи еще не столь далекой литературной истории, они носили загадочные ассоциативные имена – вьон (А. Крученых), конармеец (И. Бабель), наследник (Л. Славин), бюджетянин (В. Хлебников), шелкунчик (О. Мандельштам), арлекин (П. Антокольский).

По внешнему признаку легко угадывался в романе синеглазый – М. Булгаков, по фактам описываемых биографий легко распознавались соратник – Н. Асеев, штабс-капитан – М. Зощенко, брат – Е. Петров, птицеловом, разумеется, был назван Э. Багрицкий.

В предисловии к роману писатель объяснил свою художественную мотивацию литературных кодов: они давали ощущение свободы и раскованности повествования, с другой стороны, диктовали строгость в использовании фактического материала, связанного с жизнью и творчеством реально существовавших прототипов.

“Новая оптика” В. Катаева, желание вернуть память о своих друзьях-поэтах, рассказать о них без хрестоматийного глянца были встречены читателями с благодарностью. Книги Катаева стали художественным открытием, возвращением к традициям Ивана Бунина, учеником которого всегда считал себя автор “Травы забвения” и “Святого колодца”.

Вызовы постмодернистского времени заставляют оглянуться на опыт мастера российской прозы. Тематическую новизну, надо полагать, подсказывают писатели-фантасты, которые легко переносят свои сюжеты официального мейнстрима на социальную и политическую жизнь современной Украины. Внутреннюю тематическую продукцию формирует и внешнее предложение. Достаточно вспомнить известного французского создателя детективов Жерара де Вилье, его прошлогодний роман “Убить Ющенко”, который в короткий срок был переведен на украинский язык и вышел в издательстве “Школа”.

Загадочные национальные персонажи с весьма прозрачными псевдонимами и фамилиями – Президент, Рамзай, Полошенко, Пинчерук, Мартыненко, Морозеко, Кинюх и другие воскресли в сочинении Юрия Rogozy, который в заглавии книги тоже использует метафору должностования – “Убить Юлю”.

К сожалению, катаевских сюжетных вариаций, психологизма и обновления прозаических форм здесь не обнаружим, зато все произведение пронизывает пафос литературной провокации и эпатажа. Досадно и то, что измышления распространяются вокруг весьма уязвимой темы. Ходульные авторские наблюдения вокруг центрального персонажа, героини оранжевой революции Юлии (ее “заказал” Пинчерук), соседствуют с развязной характеристикой других героев той же невымышленной революции. Откровения повествователя, связанные с нарушениями нормативной лексики, мы, естественно, не решимся воспроизводить.

Понятное дело, автор сочинения предупреждает читателя об отсутствии в книге документализма, все персонажи в ней вымышлены. Мы тоже имеем право домыслить. Представим, что некий автор по имени Юлий Рокоза породил халтуру, а вместе с ним и его редакторы из издательства “Фолио”, наивно полагающие, что бессловесный читатель числом в 800 тысяч (так обозначен тираж опуса) проглотит эту халтуру.

Конечно, и это тоже – из области научной фантастики. Но, во-семьсот не во-семьсот, а пару-тройку тысяч наивных сердец лихая беспардонность подобных авторов вполне может увлечь. А среди них – не только бабушки-пенсиионерки, но и те же школьники. Мы сетуем на то, что они “ничего не читают” – и вот теперь они “что-то прочтут”.

Не пора ли нашей общественности, а также державным женам и мужьям от педагогики (если они действительно, а не слова, озабочены воспитанием юношества) ответно “заказать”, если не авторов (пусть живут), то хотя бы издательства с их “восьмисоттысячными” тиражами, отказав этим издательствам в размещении государственного (без кавычек) заказа на профильную книжную продукцию для школы?..

Пожалуй, мы единственная страна в мире, где вроде бы солидные издания не чураются приемов “желтой прессы”, а издательства могут в своей деятельности сочетать несочетаемое: тиражировать мировую классику или школьные учебники – и книжонки на потребу не только политическому, но и эстетическому дурновкусию.

ANNO DOMINI 2006

Дмитро Кремінь. **Полювання на дикого вепра**. Нова книга: Поезії. – К.: Факт, 2006. – 96 с.

Дмитро Кремінь. **Ольвийский транзит**. Избранные стихотворения / Пер. с укр. А.В.Павлова. – Николаев: Издательство Южнославянского института Киевского славистического университета, 2006. – 80 с.

Философско-поэтическое мироощущение, столь характерное для известного поэта, лауреата Национальной премии Украины им. Т.Г. Шевченко Дмитра Креминя, на рубеже двух столетий приобрело черты национальной или даже вселенской – на земле и во времени – экзистенциальной выразительности. В подкупающих исповедальной интонацией стихотворениях “Правили варяги тут і вікінги” или “Південний натюрморт у стилі “Рюс”, открывающих киевский сборник, это качество проявляется в едином историческом восприятии происходящих событий на Майдане, в воронцовском Крыму, пушкинской Одессе или казацкой Сечи. Такой угол зрения создает единую в своей противоречивой цельности картину или даже образ-переживание. Они для лирического героя оборачиваются горькими размышлениями о главном – нравственной цене наступившей свободы. Вновь народ не желает слушать ни своих, ни чужих, вновь рождается опасное соперничество, а вечный символ жизни – горящая свеча воспринимается поэтом как “помінальний вогник”.

В новой книге, включающей описательные и изобразительный элементы, еще сильнее и тревожней звучит мотив исторической памяти, тесно переплетаясь с драматичным мотивом страстной любви к “старенької неньки Вітчизни”. Почти каждое стихотворение сборника содержит апелляции к эпохальным событиям, обращение к Дикому Полю, реке времени, тайнам древней Эллады или скифским

берегам древней причерноморской земли. На страницах книги соседствуют Хрещатик со страной Сервантеса и Лорки (“Дон Кіхот із лиману”), девушка с городской танц-площадки и Сен-Санс, Гамлет, Абель и Каин, Золотые Ворота в Киеве. Невозможно привыкнуть к этим сопоставлениям, включающим главные опоры мировой культуры, именно они легко несут стройное и одновременно сложное здание поэзии земляка.

Все более волнующим в лирике Кремния звучит элегический мотив прощания:

Пора нам прощатись! Полум'я й лід
Осяяли шлях, де ходила людина...
Ї зграя прощальна летить лебедина:
Життя пролітає над Літою літ!
“Коли твої друзі лежать у землі...”

Здесь и в следующем четверостишии поэт говорит о прощании с литературными друзьями, последней встрече с М. Бажаном, магии поэтической речи, юношеской вере в иллюзорные идеалы. Ностальгическое чувство соседствует у мастера с осознанием возросшей ответственности за слово художника. В нем по-прежнему живет чернобыльская боль.

Мотив свободы, аллегорически воплотившийся в стихах, давших название всей книге, несомненно определяет ее общий пафос. Однако этот философский мотив прямо перекликается с другим, который несет в себе не меньшую энергию. Я веду речь о стихотворении “Anno Domini”. Именно оно переключает наш взгляд на то, что ассоциативно выводит лирического героя на главную тему, на разговор с собственной душой, со всем мирозданием. Это произведение сближает автора с мировой традицией, оно же подымает его лирику на такую же высоту.

Известна творческая история книги Анны Ахматовой, название которой “подарил” А.Лурье. Он указал на надпись, выбитую на фронте петербургского дома – “Anno Domini”, что в переводе с латинского означает “В Лето Господне”. Ахматова так и назвала свою пятую книгу – “Anna Domini 1921”.

Произведение Д. Кремня навеяно памятью живой утраты (ушла из жизни мать поэта):

Я зі свічею в соборі стою.
Днина предивна.
Анною матінку звали мою
Анна Петрівна.

Перекличка латыни с древнегреческой Анной – прекрасная находка для лирической темы, если уместно говорить здесь о технологии стиха.

Ми смерекові. Ми пісня і міг,
Плач на вершині...
П'ятеро нині у тебе сиріт,
Anno Domini.

Из возвышенного размышления-переживания о судьбе матери возникают ключевые слова-образы: вещие сны, музыка лет, собор, органный плач по Украине. Они не только носители стиля, но и символы художественно-поэтической концепции, видения мира. В проникновенных строках слышится как бы единое воплощение голоса Бога, жизни, человека и поэта. “Anna Domini” – одно из лучших лирических стихотворений Д. Кремня последних лет.

В антологию современной славянской поэзии теперь можно включить целую книгу русских переводов стихотворений николаевского автора. Любителю поэзии, конечно, есть дело и до лингвистических тонкостей, важно знать, какова художественная ценность перевода? В литературной истории известны блестящие примеры гениальной близости к подлиннику, позволявшей переводчику ставить свое имя рядом с объектом перевода или даже считать свое творчество оригинальным произведением. Разумеется, есть и противоположные примеры так называемых “вольных переводов” или “подражаний”, когда новые тексты не дают оснований причислять их к переводческому искусству.

В случае с переводами А. Павлова (земляка, живущего в Подмосковье) мы получили адекватные произведения, пафос которых

вполне соответствует сложному мифопоэтическому мышлению украинского поэта.

Следует обратить внимание на “избранные стихотворения”, то есть на то, что из основательного багажа Креминя попало в сборник, что стало стержнем на малом поле его русского поэтического ландшафта. Структура сборника сформирована преимущественно по топонимическому признаку. Транзит поэта к читателю проходит через Кинбурнскую косу (“Визия на Кинбурне”), острову Березань, флотскому бульвару в Николаеве (“Сага острова Березань”), Очакову и древней Тендре, мимо Одессы и Чернигова, трагического Чернобыля, западно-европейского местечка Шенген, ставшего для лирической героини поэта символом заблудших видений (“На хоральный отъезд Светланы Торнтон”). Это и есть путешествие по маршруту метаистории “местного” космоса.

Региональность, территориальность избирательной субкультуры отнюдь не означает второстепенность и не является синонимом провинциализма. Все дело в масштабности поэтического мышления. Конечно, творчество Креминя принадлежит украинской словесности, но равным образом и всей славянской. В многонациональной ойкумене народов, живущих на берегах Северного Причерноморья, поэтическая топография обнаруживает скифские реалии, координаты Эвксинского Понта времен древней Эллады (“Ольвийская просодия”), староказачьих приметы на Ивана Купалу (“Тоголиада”); она подымается до “Планеты Вышеславия”, отзываясь тревожной памятью Таращанского леса, биографическими уроками драм современной Украины (“Новое летоисчисление”). Среди общенациональных и общемировых горизонтов устремлений поэта, путешествующего во времени и пространстве, никогда не исчезает южный локус, истинная поэзия не противостоит космизму и универсальности.

Кремине мифологизирует историческое прошлое, Украину, хотя миф, как известно, служит средством разрушения подлинной истории. Поэт эстетизирует родной край. Ностальгическая боль по прошлому и настоящему – отличительная особенность его лирики последних лет. Вся она – ритуал поклонения этой боли. И если карнавал именуют ритуалом без мифа, то лирика автора сборника “Ольвийский транзит” – трагико-утопический карнавал души.

По большому счету, пишет в предисловии к сборнику В. Коротич, Кремень принадлежит к высшему разряду украинской словесности, “откуда взыскательно поглядывают Тычина и Рыльский, Малишко и Маланюк, Бажан и Ольжич – мастера, задавшие в XX веке немислимо высокую планку...”. Можно сказать, что уже в XXI веке Дмитро Кремень уверенно подымает эту разрядную планку украинской поэзии на уровень заметных явлений европейских литератур.

В КОКОНЕ СТИХОВ

Книга на четверых. **Стихотворения.** – СПб.: изд-во Сергея Ходова, 2005. – 208 с.

В справочнике “Николаевский литератор – 2006” большое число авторов указали электронный адрес и персональный сайт в международной сети Интернет. Это значит, что наши писатели печатаются не только в рецензируемых изданиях, но и в сетевой литературе.

Сетевая словесность уже многое определяет в профессиональной репутации автора. Если, к примеру, в поисковой системе “Рамблер” на запрос о соавторе “Дневного дозора”, нашем культовом писателе-фантасте Владимире Васильеве высветится 14 сайтов, то о поэте Аркадии Суrove система выдает 45 статей и упоминаний. А вот еще одна цифра, чтобы удовлетворить любопытство: на запрос “Александр Пушкин” высвечивается число 32045. Попутно замечу, только виртуальный адрес “Стихи.ру” обслуживает около 95 тыс. авторов. 95 тысяч поэтов! Этих данных, думаю, вполне достаточно для размышлений и о читателях, и об авторах-пользователях Интернетом, и о тех, кто равнодушен к всемирной паутине как потенциальной аудитории для общения с читателем и критиками.

Представитель среднего поколения мастеровых южного цеха поэтов А.Суров уже давно освоил Интернет, там же получил приглашение участвовать в международном издательском проекте – “Книге на четверых”. Трое его соавторов живут в Израиле, Германии и США.

Суров позиционирует себя как преданный служитель художественного слова, доказывая его самостоятельную ценность. Не случай-

но одна из книг поэта носит простое и выразительное название – “Стихи”. Новый коллективный сборник, вышедший в Санкт-Петербурге, включает большие циклы лирики “Абиссинский ноктюрн”, “Дерево десяти цифр”, “Путь”, венок сонетов “Красная нить”. Эта биографическая нить обнаруживает лирического героя – филолога и странника, среди реалий жизни “злой” провинциальной окраины, в превратностях личной судьбы, в зашифрованных аллегориях десяти цифр генеалогического дерева – родстве с Бугом и лиманом, бабушкиной вишней, южным “абрикосовым раем”. Автор ведет нескончаемый диалог с самим собой:

Я замыкаюсь в коконе стихов.
Они меня спасают: от болезней,
От пустоты, от затяжной весны,
От снега налетевшего, от ветра.

Спасательный круг творчества, однако, не всегда выручает, ибо “кокон стихов” порой делает поэта узником собственной души, заключает в безлюдный “ плен памяти”. Преодолеть соблазны неустроенного мира (абиссинская игла, водка) повзрослевшему герою помогает чувство любви, привязанности к родным и близким людям. Он не стыдится сделать признание: “Я люблю свою землю”.

Столь характерный мотив пути – жизненной дороги пронизывает все тематические циклы и приобретает отчетливое выражение в образе путеводной звезды. Спасительная “звезда пленительного счастья” служила ориентиром для А. Пушкина, она сияла и для С. Есенина, тихая лирика Н. Рубцова вся окрашена мучительным поиском света погасшей звезды. “Мерцающий в небе маяк” (“Я по старой дороге к тебе пробираюсь, Урал”) воодушевляет морскую, романтическую душу лирического героя Сурова, он делает мужественный шаг навстречу людям. В раннем творчестве поэта, по-моему, такая открытая интонация отсутствовала.

Вслед за старшими современниками, земляками Степаном Крыжановским, Леонидом Вышеславским, поэт решился испытать себя “высоким слогом вечного сонета...”, каноническими четырнадцатью строками, требующими необычайно напряженной концентрации

мысли и чувства. Художественный опыт шестидесятников обернулся ценностями легко сопоставимыми с вершинными произведениями классической формы стиха. “Красная нить” – прекрасный опыт самопознания, который выводит героя к постижению радостей и соблазнов внешнего мира. Повторяя приемы так называемой “чистой лирики”, автор плетет из словесных кружев воспоминаний и драматических признаний оригинальный венок собственной судьбы. В центре его строгого узора – образ любимой. Вне всякого сомнения, эксперимент со старинным словом как поэтической формой обогатил поклонника сетевой литературы

Из тисков памяти о прошлом, из плена обыденности маяк надежды и света выводит поэта к дому, к весне, вечно обновляющемуся древу жизни, к углубленному, я бы сказал, эпическому познанию действительности.

СТАТЬ КОСМОНАВТОМ

Вячеслав Качурин. **Я буду космонавтом** (стихи для младшего и среднего школьного возраста). Изд-во КП “Николаевская областная типография”, 2005.

Когда-то пришлось писать рецензию на одну из первых книжек В. Качурина, адресованную юным читателем. Это была почти заправдашняя сказка о приключениях моряков в далеких антарктических широтах. Дело в том, что автор книжки сам был участником нескольких рейсов в Антарктику и его история про умных дельфинов, осьминогов, тунца и сардинах, дружно противостоящих голодным кашалотам, привезена из дальних морских путешествий. Сказка называлась “Там, где полюс недалек”, она вышла в киевском издательстве “Веселка” немислимым для нынешних времен тиражом в 108 тысяч экземпляров. Книжка была красочно иллюстрирована и в очень короткий срок разошлась, стала редкостью в детских библиотеках и детских садах.

Тогда-то я и отправил письмо в московский профильный журнал “Детская литература” вместе со сказкой и получил отказ в публикации рецензии. В ответе перечислялись недостатки произведения ни-

колаевского автора, его несоответствия “лучшим образцам советской детской литературы”. С тех пор В. Качурин подарил детям еще “Перо альбатроса”, “Главный праздник”, “Волшебные рельсы”, “Учебная тревога” – поэтические книжки, веселые и поучительные истории, рассказанные бывалым человеком. Ваши дети их читали?

Разумеется, никаких академических правил, по которым должна создаваться литература для детей, не существует, как не существует и советской детской литературы. Главное отличие книги для детей – ее занимательность, оригинальность и, я бы сказал, внутренняя нравственная чистота. Ее сразу чувствуют юные. История качуринских кашалотов, альбатросов и королевских пингвинов интересна для них, как и история про Красную Шапочку или Буратино.

На этот раз уже весьма повзрослевший сказочник из Николаева подарил школьникам реальную мечту о романтической профессии космонавта. Выросли и читатели Качурина, сегодня их больше занимают космические программы, межпланетные станции, звездолеты. Рядом с юными читателями XXI века их старший современник, он тоже отвлекся от компьютера и совершил путешествие по неизведанным космическим дорогам:

Позади тревоги и заботы,
А из буйной зелени ветвей
Смотрят ввысь, как будто звездолеты,
Золотые маковки церквей.

Книги, предназначенные юным, как правило, имеют двух авторов, ибо издательства проявляют особую заботу об иллюстрации книжки для детей: ребенок может не знать букв, но хорошо “читает” рисунок. Адекватного соавторства начинающего иллюстратора книги “Я буду космонавтом” с многоопытным В. Качуриным не получилось. Даже рисованный заголовок книжки, увы, плохо читается.

СВЕТ ПОЗНАНИЯ

С. Соловьев. **Кострами вознесенные**. – Николаев: Изд-во “Илион”, 2005. – 84 с.

Это учебное заведение существует в Николаеве почти сто лет, сегодня оно называется Национальным университетом кораблестроения. В начале прошлого века работал в нем замечательный человек, друг Э. Циолковского Владимир Рюмин, великий пропагандист научных знаний. Сегодня его эстафету уверенно принимает другой энтузиаст науки – профессор университета Станислав Соловьев.

В суматохе обыденных будней его сборник очерков “Кострами вознесенные” на первый взгляд кажется несколько отвлеченным. Но стоит перелистать главы – “Власть свечи”, “Ересь на знаменах восставших”, “Люди! Будьте бдительны” и мнение противоположно меняется. Разговор о поиске истины, нравственной цене исторических знаний как и исторического невежества, этике ученого, деятеля культуры не может быть бессодержательным, ведь мы начинаем свои вузовские диалоги именно с этих тем.

Борец с российским крепостничеством Александр Радищев, сочинитель легендарной мечты – “Города солнца” Кампанелла, чешский проповедник Ян Гус, Орлеанская дева – Жанна д’Арк, Альберт Эйнштейн, Николай Вавилов, Дмитрий Колесников, капитан-лейтенант, принявший на себя командование в терпящем бедствие атомоходе “Курск”, – этот ряд бессмертных обрел жизнь в научно-публицистических очерках равнодушного современника. Соблюдая такт в характеристике столь разных персонажей и не нарушая раз избранной доверительной тональности в разговоре о мужестве и благородстве мучеников, автор размышляет о людях, сумевших стать выше судьбы, отстоять убеждения и собственное достоинство. Любопытно, что частое упоминание Бога в интерпретации повествователя совершенно не режет слух, ибо читатель вместе с автором задумывается над величиим человеческого духа, масштабом деяний личности, сопоставимом с поступками героев мифов и легенд. Они остались в истории человечества с репутацией пророков.

В жизни по-прежнему есть место добру, подвигу, любви к родине, утверждает профессор и сообщает факты: сыновья погибших моряков идут служить в подводный флот. Как важен этот пафос в наше рыночное, негероическое время!

Хочется отметить устойчивые литературные признаки публицистической книги С.Н. Соловьева. Она убедительна своей внутренней, художественной логикой.

ПАЛЯНИЦА – ХЛЕБОМ ДЕЛИТЬСЯ

Памяти поэта Эмиля Январева

Всегда поражало его умение сближать слова. Думаю, что для филолога, ценителя настоящей поэзии, январевские созвучия могли бы стать темой диссертационного исследования. Как и Б.Пастернак, он демонстрирует почти полное совпадение звуков в рифмуемых словах. Достигается это мастерски используемым эффектом параллельных звуков.

Вот некоторые образцы наиболее узнаваемых январевских рифм: докумекал – документом, небосклон – куда девался тон, ноша – не вешать носа, прав ты – правды, скамейку – судьбы индейку, стрекотух – парящий дух, платьице – покатыся, ноша – лошадь, связи – ни к коем разе, хлеб-паляница – делиться.

Он оставался неисправимым романтиком и спешил делиться своим поэтическим мироощущением. Стоит наугад открыть любой его сборник, и вас охватит, вас возьмет в плен жизнеутверждающая энергия стихов.

Как всякий большой поэт он был ранимым человеком, порой спорил с собой, но в поисках истинного всегда уходил от сиюминутного, мелочного, его голова была всегда запрокинута “к небесам, ко звездам, ко всему, что извечно...” Сотни раз он утверждал: жизнь прекрасна! И призывал:

Не уценяйте жизнь. Ну что вы, в самом деле!

Не скучно ль на одной о ней судачить ноте?

Хоть в ста очередях отстойте на неделе,
хоть изругайте вдрызг – другую не найдете.

.....

А если это так, при всей дороговизне
на разное шумутье, на яства и неяства,
давайте подтверждать, что жизнь дана для жизни,
доколе суждена, дотоле и прекрасна!

Конец XX века в творческой жизни поэта был этапом особым. В коллективном публицистическом издании “На изломе времени” (1999) он писал: “Наконец, рухнули цензурные заслоны, исчезла запретность многих сфер и тем, открылись новые возможности для любого литературного эксперимента... Все двинулось вперед с поразительной энергией. Новые поэтические имена, яркие фильмы, художественные вернисажи, сенсационные театральные постановки стали буквально опережать друг друга... Исчезло желание подражать кому-то, походить на кого-то. Возродилось собственное “я”.

Книги последних лет с многозначительными названиями “Документ” (1997), “Стихи мои младше меня” (2000), “Стечение обстоятельств” (2001) и свидетельствовали о возрождении авторского “я” николаевского поэта. Следствием творческой активности было благодарное внимание любителей поэзии, присуждение Эмилию Январеву (1931–2005) всеукраинской литературной премии имени Н.Н. Ушакова.

Он был яркой личностью и очень часто не вменялся в традиционные поведенческие стандарты, касались ли они выступлений в официальных аудиториях, на авторских вечерах или во время многочисленных путешествий с путевкой общества “Знание” или бюро пропаганды советской литературы – были таковые при областных организациях Союза писателей. Он жил в лексическом мире гармонии, она диктовала ему ироническое отношение, прежде всего к слову, воплощавшего всю многоцветную радугу вербального искусства. В его присутствии рождались остроумные экспромты, меткие эпиграммы, шла непрекращающаяся игра, своеобразная викторина на

знание русской поэзии. “Но я – человек, я – не зверь и не птица”, – цитировал он строчку из Багрицкого и присутствующий рядом должен был продолжить: “Мне тоже хочется под ручку пройтись”. Рядом с ним исчезала банальная обыденность, он уничтожал ее поэтической речью, которая, казалось, не покидала его ни при каких обстоятельствах.

Помню затянувшийся “помидорный” семестр 1979 года в Щербанях, традиционные сельхозработы. Парторг совхоза объявил, что из Николаева приехала бригада писателей и их выступление состоится прямо здесь, на току, где студенты-филологи перебирали кукурузные початки. Из клубной комнаты – красного уголка принесли столик и за него встал Эмиль Январев. Он держал в руках новенький сборник, маленькую книжку стихов, вышедшую в Одессе восьмидесячным тиражом. Сборник назвался “Школа взрослых”.

Как всегда, Эмиль читал стихи по памяти, старательно, очень осторожно выговаривая слова. Студенткам нравились лирические строки о любви, матери, мужественных рыбаках Причерноморья. А потом поэт объявил, что готов подарить книжку каждому и тут же принялся подписывать дарственные экземпляры. Возле стола сразу выстроилась очередь. Эмиль спрашивал имя, на секунду задумывался и мгновенно сочинял текст. У двух десятков студенток, получивших автографы, оказались рифмованные четверостишия, я с удивлением заглядывал под обложки подаренных книг.

К сожалению, о его лирике стал писать поздно. Не успевал опубликовать рецензию, инициативу перехватывали друзья-журналисты. 30 марта 1987 года он адресовал мне шуточные строки:

... И к новым творческим победам
Всепременно ты придешь,
Коль станешь январевоведом!
(Ну, а не станешь, так чего ж...)

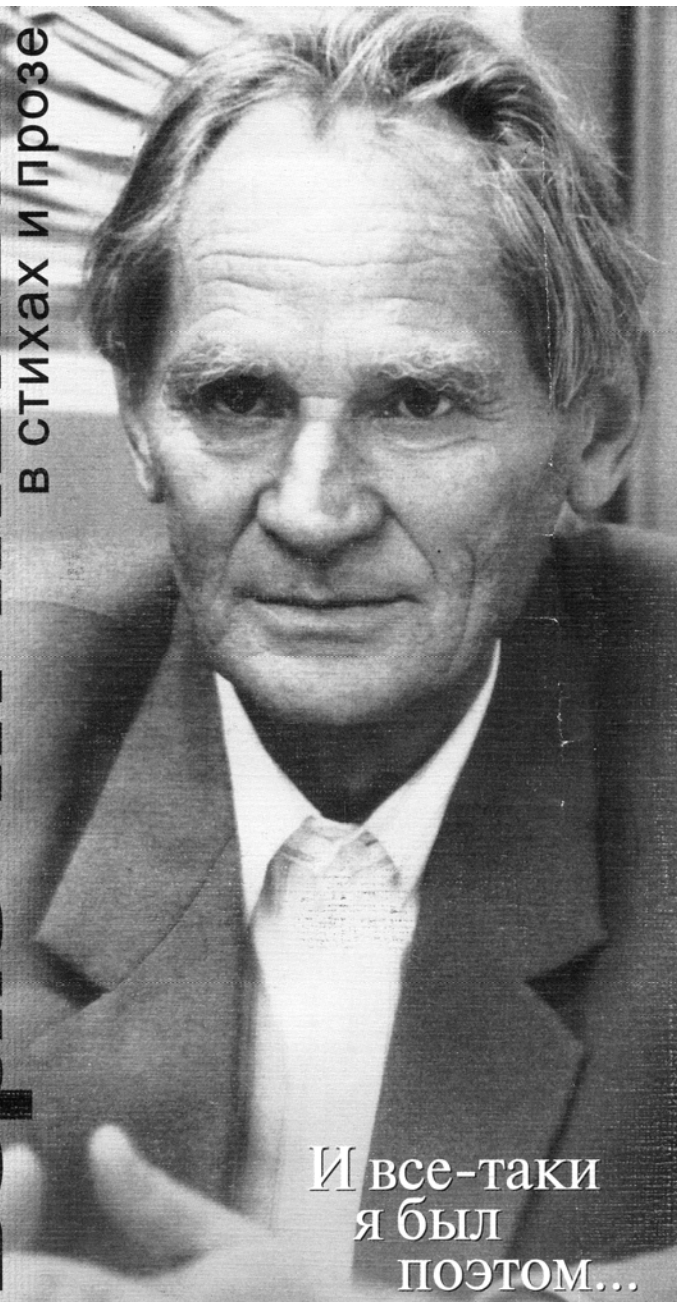
Дружески Э. Январев

Такой автограф остался на сборнике “Эхо на площади”. О художественной эволюции творчества земляка я напечатал в журналах несколько статей и, наверное, уже могу называться январевоведом...

Быстро бежит время. Стоит подумать об увековечении памяти, почетного гражданина города Николаева поэта Эмиля Январева.

БОРИС ЧИЧИБАВИН

В стихах и прозе

И все-таки
я был
ПОЭТОМ...

ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЕ РЕЗЮМЕ

Несмотря на существование опубликованной хронологии жизни и творчества Б.А. Чичибабина (“Всему живому не чужой...”, 1998), не будет лишним еще раз расставить акценты, очертить его литературный путь в связях с общественными реалиями, ибо единственным хронотопом невозможно измерить многообразие творческих рефлексий крупного поэта. Эти рефлексии зачастую мотивированны не биографическими факторами, хотя для Чичибабина и они имели существенное значение, например, открытие семейной тайны усыновления Бориса отчимом А.Е. Полушиным, а социальными связями, теми эзотерическими импульсами, которые вызывали вдохновение и находили выражение в поэтических произведениях.

Цветаевское правило – “Сам стань мостом, или пусть мост станет тобой – отождествись или отождестви. Всегда – иносказжи”, рождающее некий скрытый код, – не для автора “Красных помидор”. Он реагирует на сигналы жизни открыто и ясно, за его строками всегда историческая реальность, уроки жертвенного противостояния судьбе.

Для творческой самоидентификации Чичибабина важны первые успехи в русской словесности, факты ареста родного деда, школьных наставников литературы, личное знакомство с теми, кто был кумиром любителей поэзии в 50–60 годы XX века. Чичибабин – поэт безоглядной душевной щедрости и оперативной реакции. После смерти Б. Пастернака он посвящает ему стихотворение “Вместо венка”, вынужденный отъезд А. Галича из СССР рождает строки – “Галичу”, летние посещения Восточного Крыма, Прибалтики, Кавказа нашли отражение в замечательных циклах гражданской лирики, которая становится своеобразной вехой в поэтической эволюции. Творческий импульс давали и заграничные поездки в Италию, Германию, Израиль.

Во времена засилия массовой культуры, отлученный от единомышленников, друзей, Чичибабин решительно отказывается идти на компромиссы ради публикаций в официальной прессе, сознательно устраняется из культурного контекста, пытается защищать свое авторское достоинство. Отсутствие публикаций восполняется живым

общением с читателями на творческих вечерах. Социально-историческая катастрофа – развал СССР, утрата незыблемых духовных ценностей вызвали адекватную реакцию – рождение стихов, которые поразили современников и остались в их памяти, закрепили за маргинальным харьковским поэтом репутацию максималиста, изгоя и мыслителя, готового порвать свои связи со средой и культурой (“Сними с меня усталость, мать Смерть...”).

Б. Чичибабин обозначил своим творчеством крушение авторитарного дискурса советской поэзии. Весьма важно присутствие в его литературной биографии отечественного классического наследия, прежде всего имени А.С. Пушкина (поэма “Пушкин”).

В новой редакции резюме должны присутствовать и факты посмертного общественного признания: основание Международного фонда имени Б. Чичибабина, переиздания стихов, статей, награждение орденом “За заслуги”.

Составитель выражает благодарность Л.С. Карась-Чичибабиной, исследователю и хранителю биографических материалов поэта.

1923, 9 января – В г. Кременчуге Кировоградской области (Украина) у Ивана Павловича Авдеева и его жены Натальи Николаевны (урожденной Чичибабиной, родственницы известного химика-органика А.Е. Чичибабина, эмигранта), родился сын Борис. Вскоре родители расстались (мальчик не знал отца), новым мужем Натальи Николаевны стал военнослужащий Алексей Ефимович Полушин, который усыновил Бориса. Фамилию матери поэт сделал литературным псевдонимом.

Переезжал по месту службы отчима, но большую часть жизни провел в г. Харькове. “Моя вся жизнь связана с Украиной”.

1938 – Репрессированы отец Натальи Николаевны, дед Бориса – Николай Евгеньевич Чичибабин, школьные учителя литературы, духовные наставники К.В. Руднев, С.И. Залесский. Арестован Г.В. Брезинский, у которого Борис брал дополнительные уроки.

1940 – Окончил среднюю школу №1 (бывшую показательную гимназию) в г. Чугуеве Харьковской области. Способности к словесности обнаружил еще в младших классах, был членом литкружка, редактировал стенгазету, участвовал в литературных вечерах, напечатал стихотворение в районной газете “Путь к социализму”.

Поступил на первый курс исторического факультета Харьковского госуниверситета.

1941-1945 – Школа младших авиаспециалистов, служба в авиационных частях Закавказского военного фронта: “Врага перед собой не видел, не стрелял...”. Ранний цикл стихов – кавказский.

1945, июнь – После демобилизации из Советской Армии был зачислен в Харьковский университет на филологический факультет.

1946, июль – 1951, 17 июня – Арестован “за антисоветскую агитацию”, осужден на пять лет. Около двух лет содержался в тюрьмах (на Лубянке, Бутырской, Лефортово), остальной срок отбывал в Вятлаге Кировской области.

В заключении написаны стихотворения “Кончусь, останусь жив ли...” (“Красные помидоры”), “Махорка”, “Смутное время”, “Народу еврейскому”, “И опять – тишина, тишина, тишина...”, “Пока хоть один безутешен влюбленный...”.

1952 – Закончил бухгалтерские курсы, устроился на работу в домоуправление Дзержинского р-на.

Встреча с Матильдой Федоровной Якубовской.

1956 – Переезжает на ул. Рымарскую, 1 – “крошечную чердачную комнатку” старого Харькова, где устраивает литературные среды.

1958 – С помощью Б. Слуцкого в столичном издании опубликовал подборку стихов, подписанных Б. Полушин: Поэзия – везде // “Знамя”, № 11.

1959, Ялта – Знакомство с С.Я. Маршаком.

1960 – Смерть Б. Пастернака. Стихи “Вместо венка”.

1961-1962 – Временно живет в Москве, посещает литературное объединение “Магистраль” (руководитель Г. Левин), знакомится с писателями И. Эренбургом, В. Шкловским и др.

1963 – Выход сборников стихотворений в Москве – “Молодость” и Харькове – “Мороз и солнце”. Из-за вмешательства цензуры называл их “изуродованными”.

Пишет заявление с просьбой принять в Союз писателей. Рекомендацию для вступления дали поэт С.Я. Маршак, харьковские литераторы.

Вечер поэзии в Центральной лектории, чтение программных стихотворений “Клянусь на знамени веселом” (“Не умер Сталин”), “Крымские прогулки”, “Пастернаку”.

1964, февраль – январь, 1966 – Руководитель литературной студии при Доме культуры работников связи. Знакомство с приезжающими в Харьков поэтами Б. Самойловым, Ю. Мориц, Ю. Левитанским, Б. Окуджавой, Е. Евтушенко.

1966 – Принят в Союз писателей СССР.

Закрытие студии. Оформился на работу в Харьковское трамвайно-троллейбусное управление.

1967 – Конец хрущевской оттепели. Переоценка ценностей, состояние духовного кризиса: “Сними с меня усталость, мать Смерть...”. Встреча с будущей женой Лилией Семеновной Карась: “Меня спасла Лиля” (“Выбрал сам”).

1968 – “Плывет Аврора”. “Последний сборник, которым был крайне недоволен...” (Л. Карась-Чичибабина).

1969 – Знакомство с Александром Галичем.

Начало 1970-х – Близкое общение, переписка с поэтессой А. Миркиной и философом Г. Померанцем – “духовными вожатыми” (“Мысли о главном”).

1971 – Смерть А. Твардовского. “Памяти А. Твардовского”.

1972 – Выход в Москве самиздатовского сборника “Лирика” (Под редакцией Л.Е. Пинского).

1973, 12 июня – Президиум правления Союза писателей Украины постановил утвердить решение Харьковской организации СП об исключении из Союза писателей за “антиобщественные действия и написание антисоветских стихотворений”.

1974 – Вынужденный отъезд А.А. Галича из СССР. “Галичу”.

1977 – Журнал “Глагол” (США) публикует большую подборку стихотворений.

1979 – Подборки лирики в изданиях Тель-Авива (“Двадцать два”, № 9), Нью-Йорка (“Поиски”, № 1).

1982-1985 – Армянское землетрясение, армяно-азербайджанский конфликт. Цикл стихов- “псалмов”, “Непрощание с Батуми”.

1983 – Стихи в журнале “Континент” (Париж).

1984 – Посещение Восточного Крыма, Коктебеля, Феодосии – “Любимый уголок мира и моей души”. Стихи – “Коктебельская ода”, “Дельфинья элегия”, “Феодосия”, “Ежевечернее я в своей молитве”, примыкающие к произведениям крымского цикла.

1987 – Упразднение цензуры. Спустя 25 лет после публикаций в центральных изданиях, журнал “Огонек”, “Литературная газета” печатают Чичибабина. “Новый мир” (№10) помещает стихи с редакторской правкой “Судакской элегии” – “Как непристойно Крыму без татар”, вызвавшее возражение автора – “Ответ редактору”.

30 декабря – После писем Е. Евтушенко, Б. Окуджавы, В. Кострова, О. Чухонцева, ходатайства редколлегии журнала “Новый мир” Харьковская организация Союза писателей постановила отменить свое решение об исключении Б.А. Чичибабина из СПУ как безосновательное и восстановить его в Союзе писателей СССР.

Творческие вечера в Харькове, Донецке, Москве, Киеве.

1988-1991 – Цикл эссеистских статей, заметок о литературе, творчестве А. Пушкина, О. Мандельштама, В. Маяковского, М. Цве-

таевой, А. Ахматовой, К. Паустовского, украинских писателях-современниках Л. Гурковой, С. Минакова, З. Вальшонка, В. Каденко и др.

1989, ноябрь – Первая заграничная поездка в Италию с московскими писателями (Палермо, Сицилия).

1990 – Опубликовано, изданный за свой счет, сборник стихов “Колокол”: “По-настоящему моя единственная книга...”. Переиздана “Советским писателем” в 1991 году. Удостоена Государственной премии СССР.

В киевском издательстве “Дніпро” напечатан этапный сборник произведений с предисловием автора – “Мои шестидесятые”.

1991 – Развал СССР. “Плач по утраченной родине”, “А я живу на Украине”, “Нам вечность знакома на ощупь...”. Поэма “Пушкин”.

Сентябрь – Творческий вечер во Львове. Организатор – Ж.П. Храмова, учительница, инициатор эпистолярного диалога с Чичибабиным о судьбе русскоговорящего населения восточной Украины.

21 октября – участие в первом съезде российских писателей.

9-19 декабря – Поездка в Германию по приглашению профессора-слависта В.Казака. Посещение университетских центров в Майнце, Фрайбурге, Кельне. “На память о Фрайбурге”.

1992, сентябрь – поездка в Израиль в составе украинской делегации по налаживанию культурных связей. Цикл стихотворений.

1993, 17 октября – Авторский вечер в телеконцертной студии “Останкино”.

Литературно-общественное движение “Апрель” присуждает премию им. А.Д. Сахарова “За гражданское мужество писателя”.

1994 – В Москве увидели свет сборник “Цветение картошки” и “82 сонета и 28 стихотворений о любви” – “сто десять лирических объяснений” (Л. Анненский).

Отобраны стихотворения для книги “В стихах и прозе” (опубликована в 1995, 1998, 2002).

22 сентября – Выступление на вечере памяти Александра Меня в Харьковской музыкально-театральной библиотеке им. К. Станиславского.

Октябрь – Вторая поездка в Израиль с правозащитниками, представителями украинской интеллигенции.

12 ноября – Последнее публичное выступление в киноконцертном зале “Октябрь” (Москва). Преодолевая нездоровье, поэт читал “Плач по утраченной родине”.

15 декабря – Смерть Б.А. Чичибабина.

1996 – Основан Международный фонд памяти Б.А. Чичибабина.

1998 – К 75-летию поэта опубликован сборник “Борис Чичибабин. В статьях и воспоминаниях” (“Фолио”).

9 января – Указом Президента Украины Б.А. Чичибабин награжден орденом “За заслуги” III степени (посмертно) за выдающуюся гуманистическую деятельность.

“...У МЕНЯ В РОССИИ КОЛЫБЕЛЬ”

В сталинские времена он был заключен в Вятлаг, в начале 90-х его имя даже не упоминалось в ряду писателей Украины, а в перестроечную пору за книгу стихов, опубликованную на собственные средства, ему присудили Государственную премию СССР. В 1998 году президент Украины посмертно наградил Бориса Чичибабина орденом – “За выдающуюся гуманистическую деятельность”.

Его друзья сумели учредить именной международный фонд, и по сути, воскресить автора “Красных помидор” для новых поколений читателей. В 2002 году харьковское издательство “Фолио” представило творчество Б. Чичибабина в новом объеме – трех томах, которые включают книгу стихотворений, отобранных к публикации самим автором (она выдержала три издания – “В стихах и прозе”); воспоминания, статьи-размышления поэта с письмами из Вятлага 1940–50-х годов и избранными письмами известных деятелей литературы и искусства – “Раннее и позднее”, а также отдельный том – “Письма” из большого собрания, сохранившегося эпистолярного наследия. Пожалуй, только сейчас, перелистав эту волнующую “трилогию во-человечивания”, можно объективно судить о художественной эволюции поэта и его месте в современной истории культуры России и Украины.

Он по-толстовски мечтал объединить всех людей доброй воли и сердца, перезнакомить своих друзей, таким образом противостоять носителям зла. В “Слове о любимом писателе” – Паустовском он с тревогой отмечал усиливающуюся тенденцию опорочивания культуры, разжигания вражды к ее представителям и носителям, к “русской интеллигенции, к русской литературе, на которую возлагается вина за все ужасы русской истории”. Чичибабин с негодованием писал о невеждах разного рода, бизнесменах и спекулянтах, наживающихся на чужой беде и равнодушных к развалу всей жизни и культуры.

В мифопоэтической географии текстов поэта большое место занимают Север, Русь, Россия. Кишинев представлялся его лирическому герою “потерянным братом Парижа и Рима в “скифской скуди”,

он обращается к финской осени с просьбой явить доброту могиле Ахматовой. В “Судакской элегии”, родившейся на земле Максимильяна Волошина, совсем не элегически, а тревожно звучат строки признания в любви той земле, которая достойна называться Господним раем. Последние строки стихотворения – итог размышлений поэта, созерцающего прелести сказочного Эдема:

На облаках бы – в синий Коктебель.
Да у меня в России колыбель.

В горькую минуту родился его “Плач по утраченной родине”:

Судьбе не крикнешь: “Чур-чура,
не мне держать ответ!”
Что было родиной вчера,
того сегодня нет.
Я плачу в мире не о той,
которую не зря
назвали, споря с немотой,
империєю зла,
но о другой, стовековой,
чей звон в душе снежист,
всегда грядущей, за кого
мы отдавали жизнь.
С мороза душу в адский жар
впихнули гольшом:
я с родины не уезжал –
за что ж ее лишен?

С огромной энергией исповедального, лирического слова Чичибабину удалось сказать о главной своей боли. “...Моя Родина, – писал он, – это большая страна, по крайней мере, та ее часть, что говорит и пишет по-русски. И для этой страны я писал свои стихи. А теперь меня хотят границей отделить от русской культуры, русской литературы”. Происшедшее казалось ему каким-то абсурдом, бессмыслицей. Он сетовал на скудость и однообразие своей жизни, при-

знавался в растерянности перед будущим, отсутствии стимулов для творчества. Его печальная муза не знала покоя среди общественного равнодушия и казенной лжи.

Поэт множество раз задавал вопрос: что же следует противопоставить тенденции разрушения и деградации? Очень часто в своих стихах, публичных выступлениях, интервью он вспоминает, цитирует Л. Толстого, Н. Бердяева, А. Солженицына. Вслед за великими соотечественниками Чичибабин утверждал спасительную идею братской дружбы, исконные ценности национальной жизни и христианской цивилизации.

Особого разговора заслуживают литературные оценки поэта. Он был проницательным читателем, книжником и критиком, прекрасно ориентировался в современной русской, украинской и мировой литературе.

Б. Чичибабин познал известность, заслуженную славу, но до конца жизни стыдился, когда его называли поэтом. Он писал: “Нельзя гордиться тем, что приблизился к тайне и чуду поэзии, ибо гордиться счастьем неприлично и низко”.

Между Россией и Вечностью создавалась территория его поэтического пространства, а поэт был воителем, ведущим нескончаемую духовную борьбу с силами распада и зла.

КРЫМ В МИФОПОЭТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ БОРИСА ЧИЧИБАБИНА

Крымская земля, великая сокровищница культуры и уникальной природы, вошла в поэтический мир Чичибабина особым пространством, которое не завершается с окончанием географических границ Феодосии, Коктебеля, Судака и других мест, где удалось побывать поэту.

В наследии Чичибабина нас интересует география иного рода, поэтическая, требующая выявления духовного состояния лирического героя, воссоздания картины пребывания, путешествия по крымской земле – своеобразных кодов, культуронимов, которыми насыщены произведения автора “Судакской элегии”, этой поэтической жемчужины всей лирики харьковского поэта.

Исходным положением в данном случае является то, что в чичибабинских текстах Север и Юг были понятиями не географическими, а мифологическими и культурологическими, во многом соответствующими историософским Западу и Востоку.

Согласно нашей гипотезе, чичибабинская поэтическая география не случайное средоточие земель и городов, а иерархически организованная система, в которой живет и действует герой. Он совершает свое странствие – паломничество к святыням культуры в поисках “высшего рая”, “райской гармонии”, “мира небесного”, “горнего света” – ключевым понятиям чичибабинской мифопоэтики.

Следует заметить, что Крым присутствует не только в стихах Б. Чичибабина. Он стал для поэта феноменом, непреложным аргументом культуры. “Культура принадлежит вечности и каждого приобщает в Вечной жизни”, – писал Чичибабин в “Мыслях о главном”. В последнем коктебельском интервью “Я сюда стремился всю жизнь” (1994) поэт взволнованно говорил о необходимости спасения духовных ценностей, крымской природы и самой культуры. В его представлении уникальность культуры и уникальность природы Крыма – “единое пространство, комплекс” [5], гарантия сохранения нравственной цельности, единства живущих здесь людей и их куль-

туры в будущем. Крымские наблюдения служат поэту материалом для глобальных обобщений. По его убеждению гибель природы и гибель культуры означали бы “гибель человечества, конец света”.

Эту же мысль он настойчиво повторял и в эссеистских статьях о судьбе наследия Пушкина, Мандельштама, Маяковского, М. Цветаевой [3]. Взгляды поэта носят характер концепции: художественный мир неотделим от окружающего мира, природы. Искусство и реальная жизнь в творчестве блестящих мастеров слова не замысел творцов, а нечто идущее от бессознательного, они свободно создавали свой особый мир, так же как природа творит свой. Все выступления Чичибабина в защиту природы, духовных, нравственных ценностей пронизаны философией мыслителя уже нового XXI века. Он хорошо понимал внутреннюю логику культуры, которая является продуктом человеческого творчества, открывая и изменяя мир и самую личность человека.

Размышления лирического героя на судакской земле окрашены зрелым чувством исторической памяти – эта земля “любима, но не богоданна”; вечность, Господень рай здесь горчат солью на устах, олицетворяются с печальными реалиями прошлого и настоящего, заставляющими осуждать покинувшего родину Иосифа Бродского. Поэт сближает “окаменелую муку” Максимильяна Волошина, свившего гнездо “в трагическом Крыму”, со своей бедой, которую лирический герой “Судакской элегии” ощущает особенно остро именно здесь. Следует замечательное по эмоциональной силе признание, концентрирующие огромную энергию поэтической мысли современника, обобщившего в шести строках драму целого поколения соотечественников:

На облаках бы – в синий Коктебель.
Да у меня в России колыбель,
и не дано родиться по заказу,
и не пойму, хотя и не клянү,
зачем я эту горькую страну
ношу в крови, как сладкую заразу. [6]

Мотив горькой любви к “растуманенной Руси” получит продолжение в стихотворении “На меня тоска напала” и других произведениях. Горная страна у синего моря, сказочный Эдем дарит и призрачную надежду:

И только сердцу снится по утрам
утрюмый мыс, как бы индийский храм,
слетающий в голубизну и зелень...

Упоминание загадочного индийского храма, напряженное состояние духа в соединении с локусом Бога-Слова дают основания сблизить Чичибабина с Гумилевым, которого тоже влекла Индия духа и рай земной, который по представлениям средневековой географии не пал вместе с остальными творениями, а сохранился и превратился в рай небесный [1]. В гумилевской мифической географии, если судить по семантике и персонажности его текстов, явно выделяется Север, девственная земля, территория кельтских стран с Ирландией в качестве духовного центра, именно здесь обитают поэты в триединстве “культур византийской, финской колдовской и индийской, в атмосфере которой рождалась Русь [4].

Характер мифопоэтического пространства поэзии Чичибабина несколько иной. Творческий путь Гумилева это путь поэта-воина, склонного переносить состояние войны в духовный план и понимать ее как борьбу с силами зла посредством Слова. Природа мифопоэтики автора “Красных помидор” весьма близка к такому толкованию. Его герой тоже совершает паломничество.

Примерно четвертая часть стихотворений Чичибабина родилась по впечатлениям путешествий и посвящена Грузии, Абхазии, Эстонии, Латвии, Молдавии, Армении, Германии, Израилю. В его стихах живут Харьковщина, пушкинские Михайловское, Псков; Царское Село, Суздаль и Коломенское, Киев, Москва, территория любимого писателя Паустовского – Мещора, Белое море. Черное море, Бахчисарай, Ялта, Феодосия, киммерийская земля М. Волошина – Восточный Крым занимают особое место в мифологии поэта.

Его лирический двойник в своем поиске “жданного пути” прокладывает маршруты от святыни к святыне или от одной челове-

ской драмы к другой. Тоскуя по миру гармонии – “Царству Божию” (“Толстой и стихи”), он находит его на древней земле Севана и Арарата. В “Псаломе Армении”, где жертвенной кровью обрызган каждый камень и где “вынашивали душу” побратимы Мандельштам и Гроссман, поэт очищается “правдой и светом” исторической трагедии армян. Герой Чичибабина – тот же эпический Давид, слагающий вдохновенную песнь мужественной Армении. Мифопоэтическое сознание автора “Судакской элегии” тяготеет к легендарным, фольклорным пластам человеческой культуры.

Герой Чичибабина – “всему живому не чужой” – берет на себя вину и приносит покаяние трем сестрам: Латвии, Эстонии и “медвяной Литве”, слагает им вдохновенную песнь, выражая надежду на то, что всем любящим эту землю еще откроются “вечные святыни”, потому что

Лишь любовью, а не принуждением
Вяжутся и движутся сердца.

Даже в состоянии высшей благодати, которую поэт испытывает на коктебельской земле, он не забывает о своей принадлежности к родной Руси. Она предстает в известных памятниках, рецепциях, обычаях. Они во множестве расселены в стихотворениях “Церковь Покрова на Нерли”, “Церковь в Коломенском”, “Девочка Суздаль”, “Рождество”, “Псков”, “Элегия Белого озера” и др.

Изумление от “древнего славянства” приносит созерцание Чернигова. Чичибабин любил старинную Русь так, как ее принимал Осип Мандельштам. “Средневековые дорого нам потому, – писал Мандельштам, – что оно обладало в высокой степени чувством грани и перегородок. Оно никогда не смешивало различных планов и к потустороннему относилось с огромной сдержанностью. Благородная смесь рассудочности и мистики и ощущение мира, как живого равновесия, роднит нас с эпохой и побуждает черпать силы в произведениях, возникших на романтической почве...” [2].

Поэт творит свой миф, рисуя средневековую Русь, где еще нет “ни опричнины, ни канцелярий”, ни будущей империи. Он склонен идеализировать тот сказочный мир. На девственной земле царят бла-

гость, “веселие и лад” – “золотая русская пора”. Чернигов стоит, еще не зная о Батые,

смотрят ввысь холмы его святые,
золотые реют купола.

“Чернигов”

Следует заметить, что по источникам древней сакральной географии эта земля и есть земной рай, она ограждена Господом от остальных земных просторов, пребывающих во грехе. Славянская душа поэта прозревает в средневековой Руси и тянется к Руси мифической, небесной. Образ Руси-России у Чичибабина лишен цельности. Его герой бескомпромиссно судит родину за жестокость к своим сыновьям, горюет по погубленным храмам (“Московская ода”), ему ненавистны национальная вражда, рабская психология, воры, погромщики и лжепатриоты (“Скользим над бездной, в меру сил других толкая...”).

“Моя отчизна – проза Щедрина”, – вот горькое заключение поэтической исповеди, которая начинается четверостишием:

Не говорите
русскому про Русь,
я этой прыти
до смерти боюсь.

Вся б история наша сложилась мудрей и бескровней,
если б город престольный, лучась красотой и добром,
не на севере хмуром возвел золоченые кровли,
а над вольным и щедрым Днепром, –

полемически заявляет поэт в стихотворении “С Украиной в крови я живу на земле Украины...”.

В коктейбельском интервью Чичибабин признавался, что крымская, волошинская земля имеет для него “таинственное, интимное, очень личное значение”. Здесь родился замечательный цикл стихов, который стал лирическим откровением, поэтической, нравственной и философской исповедью. В “Крымских прогулках”, “Крымской оде”,

“Воспоминании”, “Дельфиньей элегии”, “Памяти Грина”, стихотворениях “На могиле Волошина”, “Феодосия”, “Херсонес”, “Месяц прошел и год, десять пройдет и сто...” нашли отражение ведущие мотивы всего творчества поэта, которые принесли ему известность и любовь читателей.

На юге поэт ощущает движение исторической жизни, знамение самой Матери-Вечности. В последней редакции “Судакской элегии” (под ней стоят две даты – 1974, 1982) Чичибабин усиливает са-кральный характер интимной лирики. Лирическое чувство героя здесь достигает подлинного апогея: под Соколом-горой над Новым светом состоялось тайное венчание с любимой. Она спутница по жизни, Муза во время странствий и вдохновительница движения в сторону гармонии и красоты, Индию духа. Поэт склонен поставить любимую рядом с Вечностью, ибо ее присутствие спасительно не только для любящих, но и для самой жизни. Жизнь не исчезнет, не канет в небытие, если между людьми торжествует любовь:

Восточный Крым, чья синь седа,
а сень смолиста, —
нас, точно в храм, влекла сюда
красе молиться.
.....
Но разве знали ты и я
в своей печали,
что космос от небытия
собой спасали?

В мифопоэтическом пространстве Чичибабина появляется еще один ключевой образ – космос. Он сродни Божьему началу, Матери-Вечности, горнему свету. Они обретают свое значение благодаря человеческой памяти, любви, гармонии героя и природы. Здесь среди выжженных крымских степей и скалистых круч, в лоне торжествующей зелени и моря происходит духовное перерождение героя. В минуту высшего умиротворения он готов примириться с нобелевским лауреатом, простить ему отъезд за границу (“На меня тоска напала”).

Осмысление собственной вины, раскаяния, смерти – ведущие мотивы творчества зрелых лет, присутствуют и в строках, которые родились на крымских просторах. Обостренное сознание героя Чичибабина устремляется к Богу, ибо пребывая в земном рае, нужно помнить и о Судном часе. В стихотворении “Ежевечерне я в своей молитве...” поэт полемизирует с христианским идеологом, философом Н. Бердяевым, обосновывает свой путь гармоничной жизни. Покаяние, усиленное любовью, вот что способно очистить от пустых фраз, приблизить нас к мужественной отваге Данта. Последнее четверостишие этого произведения содержит адресное указание:

Все вглубь и ввысь! А не дойду до цели –
на то и жизнь, на то и воля Божья.
Мне это все открылось в Коктебеле
Под шорох волн у черного подножья.

Есть смысл обратить внимание и на одно из ранних стихотворений, написанного в 1962 году. Оно передает восторженное чувство поэта, впервые созерцающего южную экзотику. Благодарный автор формулирует итог своего пребывания среди хлюпающего в мол моря:

И возьму я с собой
в свой последний отъезд из Ламанчи
вместо хлеба и книги
лохматой лазури ломоть.
“Черное море”

Сравнение Крыма с легендарной Ламанчей, пришедшей к нам вместе с Рыцарем Печального Образа, дает основания ставить рядом романтического чичибабинского героя и непреклонного в борьбе с судьбой Дон Кихота. Этот бессмертный персонаж был дорог странствующему по дорогам своей судьбы Б. Чичибабину.

Размышляя о своем крестном пути, поэт вспоминает не автобиографические даты, школьные или лагерные годы, а покрытые алыми маками карадагские поляны, ту мифическую страну, духовную родину, где живут его побратимы-поэты. Он с гордостью провозглашает:

Я выменял память о дате и годе
на звон в поднебесной листве.
Не дяди и тети, а Данте и Гете
со мной в непробудном родстве.
“Куда мне бежать от бурлацких замашек?..”

На крымских просторах рождается еще один стойкий мотив чичибабинской мифологии. Это некое словесное пространство, эзотерическое братство людей одной группы духа – “из паствы Пастернака”, прежде всего поэтов, художников, мыслителей. Чичибабин населил свою страну множеством персоналий духовных учителей, чьи имена в “Вечности славятся”. Он осознает, что его поэтическое ремесло дает возможность посредством лишь одного единственного, но верного слова приблизиться к вечности. Убеждение – “мир Поэзия спасет” помогало ему быть равным великим, жить в братстве с теми, кто отринул соблазны, суету и следовал тысячелетней мудрости: о горнем помышляйте, а не о земном.

1. *Гумилев Н.* Сочинения в 3-х т., т. 3. – М.: Художественная литература, 1991. – С. 77.
2. *Мандельштам О.Э.* Утро акмеизма. Собр. соч. в 4-х т., т. 2. – М.: 1991. – С. 325.
3. Они опубликованы в сб. “Борис Чичибабин в стихах и прозе”, разделе “Выбрал сам”. – Харьков: Фолио, 2002.
4. *Широкова Н.С.* Культура кельтов и нордическая традиция античности. – СПб., 2000.
5. *Чичибабин Борис.* “Я сюда стремился всю жизнь...” // Крымский альбом. – Феодосия; М.: Коктебель, 1996.
6. *Чичибабин Б.А.* В стихах и прозе. – 3-е изд., испр. – Харьков: Фолио, 2002.

КАТЕГОРИЯ ИЗБРАННИЧЕСТВА В ПОЭТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ М.ЦВЕТАЕВОЙ И Б.ЧИЧИБАБИНА

Гетто избранничеств. Вал и ров.

По-щады не жди!

В сем христианнейшем из миров

Поэты — жидаы!

Марина Цветаева.

Поэма конца.

Век наш короток, мир наш похабен,
с ним рядом брести не резон.

Я один на земле Чичибабин.

Будь мне братом, Борис Ладензон.

Борис Чичибабин.

“Редко видимся мы, Ладензоны...”

М. Цветаева наполнила свои стихи женской страстью, тоской по любви и лучшему миру, мотивами одиночества и отрешенности. Ее обособленность в жизни и поэзии — общее место всех отечественных сочинений, пытающихся выявить доминантные черты лирического дара, сложный духовный мир загадочной и романтической личности.

Опираясь на автобиографическую прозу, письма Цветаевой, американская писательница Лили Фейлер воссоздает психологический портрет поэтессы, много пишет о ней как “узнице детства” (ранняя утрата матери, отчуждение отца, увлеченного созданием музея); размышляет о нарциссизме, ранимости души, ее “влюбленности в любовь”, комплексе материнства и конфликте “между реальностью личных отношений и ее потребностью слияния с искусством”. С пронизательным психологизмом и литературной утонченностью Фейлер ведет героиню своей книги [3] сквозь трагическую драму судьбы, открывает не только отражение внешних сил в биографии поэтессы (социальные, литературные условности), но и жестокие реалии дей-

ствительности, пишет о внутренних демонах ее души, показывает повороты страстей, которые сформировали одно из самых ярких поэтических дарований XX века.

Поэтический, культурный, социальный контекст, личные обстоятельства жизни Цветаевой проявляют себя еще с большей силой в очерках филолога Дианы Бургин. Следуя за высказываниями поэтессы, – “Я неистощимый источник ересей, не зная ни одной, исповедую их все” [4], Бургин пытается разгадать цветаевский код и отыскать тайну написанного ею, анализирует поэзию, прозу, письма Цветаевой, раскрывает их эзотерический смысл и грани творчества, которые выходили за рамки дозволенного в господствующей русской культуре и поэтическом языке.

“Трансгрессивность – самая суть творческого метода Цветаевой, – формулирует положение исследовательница. – Поэтесса не признает границ ни в творчестве, ни в жизни – ни между строками или строфами стихотворения, ни между воображением и реальностью... Это настойчивое неприятие всего и вся, не порожденного в ней самой, может казаться внешним выражением (своего рода стенограммой) глубоко внутреннего чувства бесконечной алхимической трансмутации своего духовного и, возможно, материального “я” со всем, что наполняет мир вокруг нее и в ней самой” [1].

Подтверждая свои догадки, автор находит убедительные аргументы, пишет о гомоэротической теме в поэтической эволюции Цветаевой, ищет ответ на вопрос о том, какое место в ее творчестве занимают амазонки, эти полулегендарные воинственные женщины. Бургин предает гласности зашифрованные автобиографические сведения – “Письмо амазонки”, впервые опубликованное по-русски в приложении к ею написанной биографии С. Парнок. Именно это письмо, считает филолог, дает возможность выявить трансгрессию Цветаевой в широком смысле, ее закодированную страсть к писательству, магической силе слова, неудержимой фантазии, которые ограждали от опасностей реального бытия.

Бургин обращает внимание на личное отношение Цветаевой к вопросам юдофобии и юдофилии. Связующим звеном внутренней эволюции поэтессы послужил любимый ею немецкий поэт, еврей,

Генрих Гейне, принявший христианство (см. стихотворение “Еврей”). В нем, комментирует Бургин, слово “жид” очищается от налета неприязни и приобретает не этнический, а этический характер.

Известно много суждений Цветаевой о своей “страсти к еврейству”. Ее радует доверительная близость с каждым евреем: “У меня с каждым евреем – тайный договор, заключаемый первым взглядом” [5], – свидетельствовала она. Полемичность такого рода признания вполне очевидна. Из биографической повести “Дом у Старого Пимена” известно, что сводный дедушка поэтессы историк Д. Иловайский был убежденным антисемитом и это обстоятельство наложило отпечаток на самоопределение юной Марины, испытывавшей влияние юдофобского деда и матери Марии Александровны (урожденная Мейн), русской по духовной линии и польке по дворянскому происхождению, тяготевшей к евреям. Юдофилия матери и вслед за нею дочери были вызваны прежде всего эстетической восприимчивостью, в частном случае – преклонением перед “еврейским гением” Гейне. Странное влечение Цветаевой к еврейству во многом определялось постоянным стремлением быть не похожим на других и идти наперекор судьбе.

“Цветаевой необходимо было отрицать еврейство, чтобы утвердить его”, – пишет Д. Бургин и приводит убедительные по своей противоречивости автобиографические факты, раскрывает отношение Марины к мужу, в котором “блестяще соединены – две крови: еврейская и русская”. В одном случае она негодует по поводу того, что Эфрона назвали евреем, в другом, – двусмысленно защищает русскую национальную чистоту, свою свободу от еврейства (письмо редактору журнала “Версты”, 1927).

В письме 1926 года к Рильке Цветаева многозначительно утверждала: “Я не русский поэт и всегда недоумеваю, когда меня им считают и называют. Для того и становишься поэтом (если им вообще можно стать, если им не являешься отродясь), чтобы не быть французом, русским и т.д., чтобы быть – всем. Иными словами: ты – поэт, ибо не француз. Национальность – это от – и заключенность. Орфей взрывает национальность...” [2].

Совершенно очевидно, что категория еврейства для Цветаевой не национальное, не этническое и не религиозное понятие. Она ощущала свою сопричастность с евреями как тайную связь с соратниками по изгнанию, избранничеству.

Подобная трансгрессия характерна и для Бориса Чичибабина. Марину Цветаеву он всегда называл любимой поэтессой, выделял ее из ряда других любимых. Отвечая на вопросы анкеты “Литературной газеты” по случаю 100-летия М. Цветаевой (это было в Коктебеле), по памяти назвал лучшими ее произведениями (кроме стихов) “Крысолов” и “Поэму горы”. “Действие личности Цветаевой на мою душу огромно, чудесно и необъяснимо, – признавался Чичибабин. – В стихах я люблю гармонию, меру, ясность, а в Марининых строчках одна заходит за другую и все безудержно, неостановимо, как стихийное бедствие. И, казалось бы, столько ненужного мне, чужого, чуждого, неприемлемого ... Не могу же я сочувствовать ее любви к Наполеону, Казанове, Стеньке Разину. Но зато, как безоглядно-щедро, жертвенно-щедо дарит она себя! Все в ней – не мое, чужое, зато вся она – своя, родная, даримая, Марина” [6]. Существуют такие же признания и в поэтической форме.

Внутренние моральные страдания много объясняют и в поэтическом становлении Чичибабина. Его психологический облик близок цветаевскому, он тоже был “узником детства”. Уже в пору творческой зрелости, пережив удары судьбы (арест в студенческую пору, исключение из Союза писателей, два десятилетия опалы, духовный кризис в годы развала СССР, обнищания культуры) поэт часто размышлял о своем пути на Голгофу. В беседе с журналистом О. Галицких (“О Вечном и сиюминутном”, 1992) Чичибабин парадоксально заявлял, что детство, даже тюрьма и лагерь “почти не задели, не запали в душу”. Однако мы склонны судить иначе об этих этапах его жизни. Из автобиографии поэта известно, что Чичибабин не знал родного отца, его воспитывали мать и отчим, офицер Красной Армии. При всем внешнем благополучии (украинский голод тридцатых годов не коснулся семьи) духовной близости с родителями не было. Самоизоляция будущего поэта – “я всегда жил неустроенно, сам по себе, с ощущением, что я чужак – одинокий и лишний...” [7] была

реальной и складывалась в значительной мере под влиянием прочитанных книг. С ранних лет Чичибабин противопоставлял себя, свой, часто вымышленный мир книг, детских мечтаний, сказок, игр миру взрослых с их прагматичными, меркантильными интересами. Мир мальчишества, детства был всегда дорог. Не случайно уже в зрелую пору он писал:

Безумный век идет ко всем чертям,
а я читаю Диккенса и Твена
и в дни всеобщей дикости и тлена,
смеясь, молюсь мальчишеским мечтам. [7, 185]

“Сбылась беда пророческих угроз”

Эзотерическое, нравственное брало верх в его юношеских устремлениях. Будущий поэт делил всех не по национальному и этническому признаку, а по собственным критериям, выделяя среди людей взрослых и невзрослых. Ему были интересны те, кого условно называл “невзрослыми”, “сам-то я всю жизнь считаю себя “невзрослым”. Кстати, он не считал всех детей прекрасными, чистыми и святыми. Его понимание первых и вторых не совпадало с биологическим толкованием этих слов. Невзрослый по Чичибабину это тот, кто “сохранил чувство причастия к какой-то действительности, которая часто не совпадает с реальностью” [7, 211]. К примеру, Гете в его представлении был “вполне взрослым”. “Я это вижу по его стихам, по “Фаусту”, – писал он. – Да и Пушкин был весьма практичным, хотя, конечно, что-то детское в нем сохранилось. Но и “взрослый” поэт может быть причастен к Вечности просто потому, что он поэт, а значит – близок к Богу, слышит его” [7, 211].

Автор “Красных помидор” вступал на этот путь взрослости с решением отказаться от фамилии отца, сделав своим литературным псевдонимом фамилию матери и деда, знаменитого химика, умершего за границей.

Шифрованный цветаевский подтекст присутствует и в строках харьковского поэта. Фактически он открывал в русской поэзии середины XX века табуированную тему еврейства, о которой в советской литературе было принято молчать. Молчал любимый Чичибабиным

Самуил Маршак, молчал не менее почитаемый им Илья Эренбург, хотя в послевоенные годы известны его письма в различные административные органы с просьбой привести в порядок места массовых захоронений советских граждан, жертв гитлеровского геноцида. Это было противоречивое время, когда волны юдофобских настроений исходили от самого генсека Сталина. Сегодня широко известное стихотворение Е. Евтушенко “Бабий Яр” (1961) о дикой расправе над евреями под Киевом увидело свет лишь в пору хрущевской оттепели и сразу было запрещено к повторной публикации. Поэт смог включить его в свое трехтомное собрание сочинений лишь в 1983 году. Вплоть до начала перестройки киевские власти препятствовали Евтушенко в публичном чтении стихов в Украине.

В поэтическом послании “Еврейскому народу”, датированного 1946-м годом, тема еврейства, преодолевая цензурные запреты, выходила из писательских кухонь и дач и приобретала в творчестве Чичибабина программный характер. Он поражает пафосом исповеди, открыто говорит о своей любви к еврейскому народу, защищает тех, кто познал муки гетто, казни и погромы. “Не на брачном ложе наша кровь смешалась”, – заявляет лирический герой Чичибабина, он не связан с этим народом кровным родством, однако пролитая кровь, это и кровь поэта, “наша” кровь.

Ничего, что нету надо лбами нимбов, -
всех родней поэту те, кто здесь гоним был.

Последние строки стихотворения потрясают силой сыновнего признания:

Не родись я Русью, не зовись я Борькой,
не водись я с грустью золотой и горькой,

не ночуй в канавах, счастьем обуюнный,
не войди я навек частью безымянной

в русские трясины, в пажити и в реки, -
я б хотел быть сыном матери-еврейки. [6, 31]

“Еврейскому народу”

Редкая способность Чичибабина быть искренним подкупает читателя и в других стихотворениях, где присутствует исповедальное чувство и человеческая драма. В его мифопоэтическом пространстве живут стихи, посвященные драматической судьбе крымских татар, народов Прибалтики. В цикле об Армении, вслед за Мандельштамом (“младшая сестра земли иудейской”) поэт говорит: “Армения, горе твое от ума, ты – боли еврейской двойник...” [6, 307]. Он готов заступиться, назвать побратимом всякого, кто сумел стать по-пушкински “другом человечества”. Таковым был для него был С. Надсон:

Я люблю его стих и с судом знатоков не согласен.
Заступись за него, галилейская девочка-Мать:
он, как сын твой Иус, так мучительно юн и прекрасен,
а что дар не дозрел – так ведь было ж всего двадцать пять.

Ведь не ждать же ему, не таить же врученный светильник,
вот за это за все и за то, что по паспорту жид,
я держу его имя в своих заповедных святыхнях
и храню от обид, как хранить его всем надлежит.

“За Надсона”

Любопытно, что Чичибабин вслед за Цветаевой возвращал в русскую литературу слово “жид”, реабилитируя его и употребляя в том смысле, в каком его использовали В. Даль, А. Пушкин, В. Жуковский, А. Чехов, Л. Украинка и И. Франко. Тайный цветаевский код присутствует и в большом цикле любовной лирики “Сонеты любимой”, книге стихов, которая называлась в рукописном варианте “Сонеты Лиле”, и посвящалась Лиле Семеновне Карась, жене поэта [7, 132-141].

К концу 60–70-х годов круг избранных друзей Чичибабина вполне определился. О них можно судить по персональным посвящениям, стихотворным посланиям, письмам. Своеобразный домашний альбом поэта демонстрирует элитарный круг товарищей-побратимов, “бразжников”, людей одного “духовного “вещества”. Это Феликс

Кривин и Александр Галич, земляки-харьковчане Михаил Копелиович, Александр Верник, поэты, писатели, деятели культуры Александр Володин, Кирилл Ковальджи, Александр Шаров, Леонид Пинский, Юрий Милославский, супруги Григорий Померанц и Зинаида Миркина. В постоянном диалоге с ними кристаллизовалось мироощущение, получившее поэтическое выражение в таких известных произведениях как “Клянусь на знамени веселом”, “Середина двадцатого века”, “Солженицыну”, “Тебе, моя Русь...”, “С Украиной в крови я живу на земле Украины” и большом лирическом цикле “Сонеты к картинкам” с ключевым стихотворением “Племя лишних”.

Верный своему нравственному чувству поэт не оставляет маргинальной цветаевской темы. Однако в отличие от вечной тоски поэтессы по несбывшемуся, неотвязному эмоциональному влиянию на нее матери Чичибабин не испытывает некоей “страсти к еврейству”. Он выработал вполне самостоятельную позицию в осмыслении вечной антитезы русский-еврей. В ней всегда присутствует личностное, экзистенциальное начало. Преодолевая излишнюю декларативность и рассудочность эпистолярного повествования, Чичибабин пытается объяснить свое понимание элитарности, чуждой и чужой для обывательской толпы не менее, чем еврейство. Знаком исключительности для него, конечно, обладали единомышленники, поэты, люди искусства. К ним принадлежал, к примеру, и Зиновий Герд из “Группового портрета с любимым артистом и скромным автором в углу” – своеобразного стихотворного комментария к фотографии, где изображены друзья. Автор “группового портрета” не может остаться равнодушным к боли героя войны и его ранам:

Я в муке сочувствия внемлю,
как плачет его правота,
кем смолоду в русскую землю
еврейская кровь пролита.

.....

Но, зло превращая в потеху,
а свет раздувая в костер,
он — выжданный брат мой по цеху
и вот уж никак не актер. [7, 165]

В поле зрения Чичибабина книга А. Синявского “Прогулки с Пушкиным”, он отзывается на полемическую переписку между историком Наумом Эйдельманом и Виктором Астафьевым с высказываниями писателя, показавшимися Эйдельману проявлением антисемитизма. “Грустно и жалко, но стыдно и страшно, — писал Чичибабин. — Ведь какая-то эмоциональная, эмпирическая, первоглядная правда у них есть. Им больно, и они кричат и ругаются” [8].

После памятной поездки 1992 года в Израиль (Чичибабин был включен в состав делегации украинских писателей) еврейская тема в творчестве поэта получила новый эмоциональный импульс (“Земля Израиль”, “Когда мы были в Яд-Вашеме”, “Не горюй, не радуйся”) . Демонстрируя преданность своим харизматическим друзьям, он много размышляет (в письмах) о “всегдашних и вечных” проблемах, судьбе еврейского народа, России и Украины, русской культуры, личной гражданской позиции; пытается формулировать историческую перспективу, но не видит социального выхода из общественно-го кризиса. Но есть выход “личный, духовный, религиозный”, — восклицает Чичибабин. “Пока в мире есть Моцарт и Пушкин, пока никто у нас не отнимет Толстого и Чехова, Достоевского и Гоголя, Пастернака, Мандельштама, нашу Марину, даже — нелюбимого мной, но тоже нужного душе — Блока, пока есть на свете Володин и Герд и чудесный мальчик Женя Кисин (талантливый пианист, рано привлечший к себе внимание. — Е.М.) ... нельзя не знать, не чувствовать, что есть Дух, есть Свет, что все в мире высоко и прекрасно, если оно от Бога и с Богом!...” [8, 365].

Апелляцией к культуре, Богу еще не исчерпывалась цельная чичибабинская концепция духовного преображения человека. Важнейшей ее составляющей он считал свободу. С величайшей искренностью и удивлением он рассказал о нравственном озарении, которое испытал во время своего самого первого путешествия за границу

(1989). Это было в Риме. В ночной итальянской столице поэт увидел множество людей. “И вот тогда, — пишет Чичибабин, — я испытал чувство, которое я объяснить словесно не могу и которого я больше уже не испытал: я почувствовал, понял, что эти люди, которых я видел на площади и прилегающих улицах, в магазинах и забегаловках, итальянцы, туристы, кто бы они ни были, были свободные люди, свободные в нескольких поколениях, с рождения и до рождения свободные, биологически свободные и именно этим непохожие на нас” [8, 369].

Поэт последовательно отстаивает идею свободы, эта универсальная идея по Чичибабину не вступает в противоречие с национальной принадлежностью: в условиях свободы личности и русский, и еврей, и француз чувствуют себя людьми той культуры, которая стала для них родной. Ощукая себя христианином, человеком общечеловеческой культуры (Чичибабин иронично называл себя и “индуистом, непротивленцем”, “восточноукраинским “руховцем”), он отвергал всякое насилие, клеймил “бездуховных обывателей, потребленцев, ненавистников культуры, антисемитов”. В письме к львовской учительнице Ж. Храмовой он с негодованием пишет о русско-имперском национализме, ему одинаково ненавистен также и украинский радикализм. И хотя национальные и этнические проблемы Чичибабина интересовали меньше, чем, скажем, духовная жизнь, он не мог оставаться равнодушным к тому, что тревожило и мучило его и его друзей. Красноречиво в этом отношении письмо 1991 года М.В. Копелиовичу, своему бывшему студийцу, эмигрировавшему в Израиль. Вот большой фрагмент этого письма:

“Думаю, — писал Борис Алексеевич, — что своя правда есть и у евреев, осознавших свое еврейство и связавших свое будущее с воскресением и возрождением национальной государственности, духовности, культуры (но только, ради всего святого, не замыкаясь в них и не отгораживаясь от всего остального человечества), и у евреев, растворившихся и ассимилировавшихся в культурах и духовностях других народов и вносящих в эти культуры столь необходимые миру еврейские дрожжи, еврейский хмель, еврейскую иронию, печаль, мудрость. Правда вторых лично мне ближе и дороже, но это

ничего не значит, тем более, что я-то не еврей. Из этих правд когда-нибудь, может быть, составитя окончательная Истина. В любом случае, не дай Бог, чтобы национальное оборачивалось националистическим, потому что во всяком, самом благородном, прекрасном, святом национализме обязательно присутствует, по крайней мере, возможность превращения в нечто мерзкое и страшное. Все, что разъединяет, разводит, противопоставляет людей не может быть ни добром, ни благом и противоречит Божьей воле” [8, 378].

А теперь сделаем выводы. “Лишенная родственной и материнской любви, – формулирует свое заключение Диана Бургин, – Цветаева искала духовного – тайного, трансгрессивного – альянса с единомышленниками. И нашла его в сообществе “Поэтов-жидов” [1, 231]. Дистанцируясь от круговой лжи, “в сем из христианнейших из миров”, Чичибабин следовал традиции русской поэзии, отождествлял гонимых с евреями. Он совершил свой выбор:

Я рад бы все принять и жить в ладу со всеми,
да с ложью круговой душе не по пути.
О, кто там у руля, остановите время,
остановите мир и дайте мне сойти.
“Я плачу о душе, и стыдно мне, и голо...”

1. *Бургин Диана Левис. Марина Цветаева и трансгрессивный эрос: статьи, исследования / Пер. с англ. С. Сивак. – СПб.: ООО Ина-пресс, 2000.*
2. *Райнер Мария Рильке, Борис Пастернак, Марина Цветаева. Письма 1926 года. – М., 1990.*
3. *Фейлер Л. Марина Цветаева. / Пер. с англ. – Ростов-на-Дону: Изд-во “Феникс”, 1998.*
4. *Цветаева М. Собр. соч. – В семи томах. – М.: Эллис Лак, 1994–1997, т. IV.*
5. *Цветаева М. – Неизданное. – М.: Эллис Лак, 1997.*
6. *Чичибабин Б.А. В стихах и прозе. – 3-е изд., испр. – Харьков, 2002.*
7. *Чичибабин Б.А. Раннее и позднее. – Харьков, 2002.*
8. *Чичибабин Б.А. Письма. – Харьков, 2002.*

СОДЕРЖАНИЕ

I

“Явилась к нему во сне дева... по имени София”.	
Наследие первоучителей Кирилла и Мефодия	
и Северное Причерноморье	4
В ландшафте городского мифа	9
Молли Де Стафни: “Сначала нужно понять себя”	16
Написанное останется	19
Картинки с выставок.	
После презентации “Николаевская книга – 2006”	22
История книгопечатания в Северном Причерноморье:	
известное и неизвестное.....	28
Тропой Буревестника.	
Украинские странствия М. Горького	35

II

Халтура в “Школе”	46
Anno Domini 2006	48
В коконе стихов	52
Стать космонавтом	54
Свет познания.....	56
Паляница – хлебом делиться.	
Памяти поэта Эмиля Январева	57

III

Его литературное резюме.....	62
“...У меня в России колыбель”	69
Крым в мифопоэтическом пространстве	
Бориса Чичибабина.....	72
Категория избранничества в поэтической эволюции	
М. Цветаевой и Б. Чичибабина.....	80

Науково-публіцистичне видання

МИРОШНИЧЕНКО Євген Гордійович

*Член-кореспондент Міжнародної Кирило-Методіївської
академії слов'янської освіти, кандидат філологічних наук,
член Спілки письменників Росії,
член Національної Спілки журналістів України*

МІСТО Й МІФ

**ІНТЕРВ'Ю, РЕЦЕНЗІЇ,
КУЛЬТУРОЛОГІЧНІ ТЕКСТИ**

Збірник науково-публіцистичних статей

Російською мовою

*Головний редактор В. Кобзар
Технічне редагування, комп'ютерна верстка О. Юсупов*

*Здано до набору 05.02.07. Підписано до друку 06.03.07.
Формат 60х84¹/₁₆. Папір офсетний. Гарнітура "Таймс".
Друк ризографічний. Умовн. друк. арк. 5,35. Обл.-вид. арк. 4,16.
Тираж 300 прим. Зам. № 8146-97.*

Видавництво, поліграфічне підприємство ТОВ «Ліон».
54001, м. Миколаїв, вул. Садова, 1.
Свідоцтво ДК № 1506 від 25.09.2003 р.
E-mail: primus@mksat.net